

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ФЕДОРОВ
ВИДЯЩИЙ.
ПЕРВЫЕ ШАГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Россия, мир, где современные технологии соседствуют с магией, а власть принадлежит императору и кланам...

Оказавшись в теле сироты, потерявшего магические способности, наш современник вынужден решать свалившиеся проблемы, не догадываясь, что несколько организаций имеют на него свои планы.

Шестьсот украденных рублей в кармане, да еще опыт и знания прошлой жизни – вот и весь багаж, с которым бывший боевой офицер, вертолетчик, а ныне тринадцатилетний Егор Васильев начинает свой путь наверх.

Алексей Федорочев

Видящий. Первые шаги

© Федорочев А. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Пробуждение номер один

Просыпаться было... странно.

Пахло нагретым деревом, травами и почему-то молочной кашей. Запахи из детства, которых по определению не могло быть в моей холостяцкой квартире. Руки нащупали край одеяла, чтобы поудобнее укрыться и досмотреть явно приятный сон.

Стоп!!!

Руки???

Глаза распахнулись, и я уставился на две абсолютно целых руки. Покрутил ладонями, пошевелил пальцами; поморгал, снова уставился. Ничего не изменилось...

Сердце глухо заколотилось где-то у горла, на глаза навернулись злые слезы.

Белочка, ты жестока...

Зажмурился и сжал зубы, чтобы прогнать позорную слабость, и вдруг понял: руки не мои! Почему-то эта мысль резко меня успокоила.

Набрался смелости и снова открыл глаза. Руки по-прежнему присутствовали на месте в количестве двух штук: по-прежнему не мои, а принадлежащие подростку лет двенадцати-тринадцати. Ощупал голову – лицо тоже не мое, взамен привычной лысины – короткий ежик волос, уши вроде не лопухие, но все равно не родные. Резко вспоминаю про самое драгоценное и ныряю рукой вниз. Фух, на месте... Уже спокойнее откидываю одеяло и осматриваю тощее подростковое тело. Тело как тело. Не Аполлон, но задатки неплохие. Я в его годы, пожалуй, потолще был, а может, и нет, сейчас уже и не вспомнить.

Осознаю, что по привычке делаю все левой рукой, и снова утыкаюсь взглядом в целую правую. Рука послушно сжимается в кулак, поочередно шевелит пальцами и не собирается никуда исчезать.

Распахнувшаяся дверь отрывает меня от любования, и я наконец-то обращаю внимание на окружающую меня обстановку. Здоровенный мужик с рожей душегуба в десятом поколении оторопело пялится на меня из дверного проема.

– Батюшки, очнулся Егор Николаич! – И мужик исчезает где-то за дверью. – Михайло Игнатьич, очнулся наш соколик! – слышны крики из глубины коридора.

Так, белочка мне попалась упорная, глюк развивается. Егор Николаевич – так, похоже, зовут мое тело; еще бы понять, кто я и что со мной, хоть бы подсказку какую-то дали...

С этой свежей и своевременной мыслью сознание отправляется на перезагрузку.

Пробуждение номер два

Просыпаюсь там же и тем же. Опять люблюсь на целую правую руку. За окном ночь, но слабого света ночника хватает, чтобы рассмотреть палату, хотя смотреть по сути не на что – койка, крашенные стены, крашенный деревянный пол, из щелей старого разошедшегося окна ощутимо тянет сквознячком. Рядом с койкой на простом стуле похрапывает давешний звероподобный мужик. Немного удивляет отсутствие современных материалов в отделке, но в то же время обстановка воспринимается абсолютно обыденно, словно иначе и быть не может.

Чувствую себя вполне сносно, но это ни о чем не говорит, ведь случилось же что-то с Егором, раз он-я здесь. Пока я в сознании и никто не тревожит – пытаюсь выудить из головы

хоть какие-то крохи знаний об окружающем. Тщетно. Никаких «левых» воспоминаний не появляется. От умственных усилий начинает болеть голова. Боль нарастает как цунами, грозя накрыть меня собой. Пытаюсь расслабиться, отрешиться от мигрени, но толку – чуть. Особо сильный приступ опять отправляет меня в небытие.

Пробуждение номер три

Просыпаюсь.

Знакомая палата лазарета, где я последнее время провожу времени больше, чем в своей комнате, встречает меня утренним солнечным светом. Не сосчитать, сколько раз я оказывался здесь за последний год. Но сегодняшней случай выделяется особо: сорвать источник в тринадцать лет – это не просто звание неудачника года, это, пожалуй, на звание неудачника столетия потянет!

Стоп! Какой источник? Какие тринадцать лет?

Я подполковник в отставке Васин Георгий Алексеевич – боевой офицер-вертолетчик, потерявший руку после ранения в Афгане. Ампутация поставила крест на дальнейшей службе, и, выдав мне на прощанье внеочередное звание и орден на грудь, армия пнула меня в свободный полет. Потом судьба помотала меня по России. Я и в Пугачеве преподавал, пока не понял, что ненавижу курсантов, которые могут летать, а я – нет. И золотишко мыл на Колыме в полуполюгальной артели в лихие девяностые, и на ювелирной фабрике в службе безопасности работал, пока не понял, что Юрьич – мой знакомый, который притащил меня туда, начал зарываться и надо сваливать. Чуйка, кстати, не подвела: в девяносто седьмом его взорвали вместе с третьей по счету женой, а потом и заговор одного за другим грохнули.

Последние годы я работал в службе безопасности одного московского банка, куда меня позвал другой приятель. В личной жизни серьезных отношений не заводил, хотя и не монашествовал: по молодости считал, что еще рано, не нагулялся, потом помешала война и служба – женщины в части были наперечет и все заняты, потом – стеснялся увечья. Вот так семьей и не обзавелся. Вечера коротал за компьютером, который довольно быстро освоил уже во взрослом возрасте. Конечно, несмотря на современный протез, в игры особо играть не получалось, но смотреть фильмы и читать книжки отсутствие руки не мешало. Изредка выбирался с друзьями-приятелями на природу-охоту-рыбалку-баню-шашлыки (нужное подчеркнуть). Выпивал, не без того, но в меру.

И вот вчера, возвращаясь домой с работы, я нарвался в подъезде на компанию Витьки-алкаша со второго этажа. Гопота пила пиво и загадила шелухой от семечек и бычками всю лестничную площадку. Слово за слово завязался скандал, а потом и драка. И хотя я был в хорошей форме для своего возраста, но отсутствие здоровой правой руки, да и количество и молодость нападавших сыграли не в мою пользу. Кто из этих уродов пырнул меня ножом, мне уже не узнать. Боль от ударов, потом жгучая резь от лезвия под ребром, а потом темнота. И не было никакого светлого коридора, никакой высшей сущности, просто раз – и я здесь.

И в то же время я помнил другое.

Я – Васильев Егор Николаевич, мне тринадцать лет, я родился в небольшом городке Рязанской губернии. У меня есть брат Митька, который учится здесь же, и мать. Отец погиб в аварии автобуса, когда они всей семьей переезжали к деду. Матери и Митьке повезло, их выбросило в кусты, а отцу – нет. А я родился восемь с половиной месяцев спустя, так что отца видел только у деда на старых фотографиях. Наше-то имущество все сгорело вместе с автобусом. До десяти моих лет мы жили с дедом, но, когда он умер, произошла некрасивая

история с наследством, и матери пришлось завербоваться в армейскую приграничную часть целителем, а нас отправить в интернат подальше от родных мест. Теперь я ученик Московского Императорского училища имени Святого Михаила.

Поначалу все было неплохо. Первые два года мама забирала нас на каникулы к себе в часть, где мы жили при госпитале. Днем бегали по военному городку, играли и дрались с местными детьми, по вечерам мама учила нас чему-нибудь или, если было ее дежурство, приводила к себе на работу, чтоб мы не болтались под ногами у взрослых. В госпитале нас запросто могли приставить к какому-нибудь делу или отправить развлекать раненых.

Все изменилось в прошлом году. Сначала на мамину часть произошло нападение. Это не было чем-то необычным, мелкие стычки с шайками из соседнего государства случались постоянно, но здесь собралась очень большая банда, вдобавок хорошо вооруженная. Помощь задержалась (интересно почему?) и оружие в руки пришлось взять практически всем. Мама вытаскивала раненых из-под огня и тут же их исцеляла. В один момент она оказалась буквально в гуще сражения и сама была ранена. В газете потом написали, что она применила какой-то неизвестный артефакт типа «последнего вздоха», уничтоживший часть боевиков и самое главное – каким-то образом взорвавший командную машину связи бандитов. В один момент из хорошо организованной силы боевики превратились в неуправляемое стадо, и их стали давить поодиночке, а тут и помощь подоспела. Вроде бы хеппи-энд, но из-за конфликта собственной магии и магии артефакта на фоне тяжелого ранения мама впала в кому. И только я знаю, что никакого артефакта у мамы никогда не было, а все описанное она совершила собственной силой, но это наша большая тайна. На волне шумихи в СМИ пострадавших в той заварушке привезли сюда, в Москву, где поместили в лучший госпиталь. Нас с Митькой несколько раз отпускали из интерната навестить знакомых. Но прошел уже год, все давно вылечились и разъехались, и только мама по-прежнему не приходит в себя. За последнее время я уже пару раз слышал разговоры о том, что пора прекратить искусственно поддерживать ее жизнь. Конечно: ведь ее подвиг уже забылся на фоне новых историй...

Мелкими в сравнении с этим покажутся мои собственные неприятности, но именно они привели уже к моей личной трагедии. С нового учебного года в нашем училище сменился завуч. Никакого криминала или хотя бы интересной истории – просто старый подал в отставку по состоянию здоровья. Матвей Игнатьевич уже давно занимался делами от случая к случаю, скидывая работу на замов, что не очень хорошо отражалось на учебном процессе. Поскольку наше училище находится под личным патронатом ЕИВ, приказ о новом назначении пришел из личной императорской канцелярии. Новый завуч, Залесский Евгений Александрович, прибыл в ореоле тайны императорского двора и буквально за неделю всех в себя влюбил – и наставников, и нас, курсантов.

Для каждого у него находились и ободряющее слово, и направляющий пендель. В библиотеке появилась новая литература, в классах – новая мебель и пособия, в лазарете – свежие лекарства, на кухне – новый повар. К слову сказать, и раньше все было очень неплохо, все-таки наше училище входит в первую сотню лучших по стране, но эта бьющая через край энергия, эти перемены – впечатляли.

А вместе с Залесским прибыли несколько новых преподавателей. На фоне ярких изменений в жизни училища их приход казался вполне закономерным. Часть заменила старых учителей, которые ушли в отставку вместе с Быстровым, для части ввели новые предметы. Судьбоносным для меня оказался Скинкис Андреас Германович. Этот препод стал нас учить раскACHE источника. Занятия были индивидуальными, никто не видел, как он

работает с другими, но все ученики были от него в восторге. А вот я – нет. Начать с того, что главной моей проблемой было не раскачать источник, а наоборот – не показать всех его возможностей. Маскировка и мимикрия с сопливого детства стали моим вторым «я», так как мама с самого первого выплеска силы постоянно мне твердила: «Мальщ, если кто-то узнает о твоих способностях – нас всех убьют». После этих слов она всегда прижимала меня к себе и начинала тихо всхлипывать. Я очень злился на нее в такие моменты. Понятно, что не сразу, но, чтоб прекратить эти, как мне казалось, «необоснованные истерики», я довольно быстро научился скрывать свои возможности. Уже достаточно давно для всех я был подмастерьем-целителем, а в потенциале – магистром-целителем и способным учеником *воды* и *воздуха*, а вот остальные стихии якобы мне не давались. Тренировать их приходилось в глубокой тайне, в основном пассивными упражнениями. Но с гордостью могу сказать, что, несмотря на трудности, остальные мои способности были развиты вполне гармонично.

Так вот, вернемся к Андреасу Германовичу. У меня складывалось впечатление, что он мечтает вывести меня на чистую воду. Тренировки с ним постоянно проходили будто по лезвию ножа. Отбиваться от наставника, как минимум втрое тебя старше и настолько же опытнее, пользуясь лишь «доступными» стихиями, с каждым разом становилось все труднее и труднее.

Вдобавок навалилось и с другой стороны: мне объявили бойкот. Часть нашего потока по осени свалила в традиционную «большую сентябрьскую самоволку». Мы с Митькой в ней не участвовали, потому что за это можно было конкретно огрести, вплоть до отчисления, а за нас, сирот, вступить давно уже некому. А нас позвал на чай Евгений Александрович. За время каникул, которые мы теперь были вынуждены проводить в интернате, он часто приглашал на чай то меня одного, то нас обоих. Признаюсь честно, мне очень льстило его внимание. Все-таки мы с братом были еще детьми, и нам не хватало взрослого участия и одобрения. Даже просто потрепаться ни о чем с кем-то посторонним, кроме брата, было приятно, а уж собеседником Евгений Александрович был великолепным. Немного пикантные истории из жизни великосветских львов и львиц, рассказы о путешествиях, обсуждения новых фильмов и книг: казалось, не было ни одной темы, где бы он «плавал». Его интерес к себе я приписывал обычному человеческому сочувствию и, чего уж скрывать, своим выдающимся способностям в силе исцеления. Были даже мысли попросить его дальнейшего покровительства, но тут принимать решение в первую очередь должен был мой брат, как старший оставшийся в роду мужчина. В общем, ожидался приятный вечер в приятной компании.

Митька возился с домашним заданием и пойти не смог, а я побежал вприпрыжку. А потом закономерно попались самовольщики. История получилась громкая, некрасивая, с вызовом родителей – не последних людей в нашем городе, публичной моральной поркой и выговором в личном деле, что, кстати, является совсем не слабым наказанием в империи, так как сразу понижает индекс лояльности всей семьи наказанного. И угадайте, кого назначили виноватым в поимке? Конечно, мелкого, который чаевничал с завучем как раз накануне.

В мою невиновность не поверил даже Митька. Нет, стукачком он меня, конечно, не считал, но вот в том, что я мог случайно проговориться, не сомневался ни секунды. Это я-то, свято оберегавший всегда все семейные секреты, служивший хранителем всех окрестных детских и взрослых тайн... Ни хрена себе заявочки!

Хуже того, такие ситуации стали возникать регулярно, не одна и не две, и всегда возникала возможность меня обвинить. То я с библиотекарем шушукался (а вы часто кричите

в библиотеке?), то около преподавателей терся (а как еще учиться-то?). В общем, толпа нашла виноватого и травила со всем прилежанием. Все вещи приходилось постоянно прятать, а самому передвигаться по темным местам исключительно в светлое время суток короткими перебежками по зеленым свисткам.

На фоне этой травли состоялся мой перевод из соседнего армейского госпиталя в общественную городскую больницу. В училищах-интернатах для одаренных практиковалась ранняя специализация на основе направления дара. Поскольку я уже в десять лет благодаря учебе у матери знал основы целительства и собирался развивать именно его, меня сразу прикрепили к медучреждению, где я три-четыре раза в неделю работал после уроков. Никакой халавы и послаблений. Научили какому-нибудь действию, приняли зачет – и вперед, отрабатывай до посинения на больных да раненых. Но если до этого я работал пусть и в спартанских, но, как оказалось, вполне себе тепличных условиях прикрепленного к нашему училищу госпиталя, то теперь меня, как кутенка в воду, бросили в водоворот медицины для бедных.

Тут надо пару слов сказать о медицине вообще. Так вот она здесь реально другая! Появление магии сыграло с человечеством странную шутку: обычный уровень медицины развился где-то до уровня шестидесятых-семидесятых годов нашего мира, но есть отдельная каста целителей, которые творят чудеса. Там, где неодаренный просто не возьмется за больного, магистр исцелит прикосновением, мастер справится за пару недель, а подмастерье вроде меня – позволит дожить до квалифицированной помощи. Другое дело, что целители – товар штучный, обладают особыми талантами и требуют длительного обучения. А еще те, у кого такие способности есть, не всегда хотят развивать именно силу *жизни*, ведь в комплекте с ней обычно идут *вода* или *воздух*, которые тоже весьма ценятся.

Вот и получается, что настоящих целителей не хватает, да и берут они за свою работу немаленькие суммы, а иначе как бы мать, не имея доступа к нашему наследству, смогла бы нас пристроить в одно из самых дорогих и престижных заведений Москвы, работающих с одаренными. В своей части она была единственным одаренным целителем на многие-многие километры вокруг, включая два средних по размеру городка. Слава богу, частную практику параллельно службе ей никто не запрещал, знай только налоги отстегивай. Может, именно поэтому она и осела в таком захолустье: все-таки пробиться в большом городе было бы посложнее.

Даже начинающий целитель может заменить кучу дорогостоящего оборудования, поэтому меня быстро взяли в оборот. Я и ассистировал на операциях, поддерживая пациентов своей *силой*, и работал в реанимации. Заменял вечно не работающий рентген. Проводил первичную диагностику вместо пьяных врачей. Только мой огромный резерв позволял хоть как-то держаться на ногах к концу дня. И все равно его на всех не хватало. Вдобавок многие пациенты как-то прознали о моем статусе и стремились попасть на лечение именно в мою смену. И уж совсем никто не вспоминал про ограничения на труд несовершеннолетних.

Вот и получилось, что мои однокурсники воспринимали практику как интересное приключение, я – как тяжелую обязанность. Стоит ли удивляться, что вскоре я прослыл не только стукачом, но и нюней и нытиком.

Вот на фоне этой распрекрасной жизни и развернулось мое противостояние с Андреасом. Наши индивидуальные занятия проходили два раза в неделю, когда у меня не было больничной практики. Хотя со мной почти никто и не разговаривал, из шушуканий

парней я разобрал, что они в основном занимаются медитациями, какими-то духовными практиками, попытками сродства со своей стихией. У меня же все было не так. По сути, каждая моя тренировка была избиением с элементами садизма. Я должен был защищаться от атак Андреаса, что почти всегда заканчивалось одинаково. Его молнии были очень точны и наводились каким-то образом на скопление магии. А где у человека скопление магии? Правильно, в источнике. Попадая под этот прием, я обычно какое-то время сопротивлялся, отбиваясь куцыми щитами доступных мне *воды* и *воздуха*, но неизменно оказывался в лазарете. И так по кругу.

И вот я, такой молодой и красивый, в очередной раз стою напротив наставника и чувствую, что мне конец. И не зря. Только что мне удалось поймать его на уловку, продумываемую мной весь последний месяц, и гада неслабо приложило собственной техникой. Второй раз этот номер не пройдет. Поток жара мгновенно высушивает остатки водной ловушки, так аккуратно выстраиваемой мной вокруг учителя, а новая цепь молний, сорвавшаяся с рук Андреаса, достает меня в прыжке и сбивает на пол. Но на сей раз мой мучитель не отпустил технику, а с самым садистским выражением лица продолжал удерживать. Речь пошла уже не о защите, а о банальном выживании. Я начал судорожно собирать доступные мне резервы, но очередная молния попала точно в сосредоточие источника и привела к катастрофе. Собранная для защиты сила понеслась по каналам в теле, выжигая их, превращая в пепел, отзываясь невыносимой болью. Теряя сознание, я еще успел заметить испуганное лицо мучителя, склонившегося надо мной, но даже плюнуть в ненавистную морду не осталось сил.

И вот я здесь.

Но хотя воспоминания Егора стали моими, Егором я себя не ощущал. Я все та же старая циничная сволочь с устоявшимся мировоззрением и сложившимся взглядом на вещи. Правда, чувствовать себя молодым и почти здоровым гораздо приятнее, чем старым и больным.

Пока я утрясал воспоминания двух своих ипостасей, проснулся мужик, который меня караулил. Теперь я знал, что это Егоркин персональный охранник Григорий, приставленный к нему на время выходов в город. Бывший гвардеец императора, тяжело раненный в одной из стычек, стал не годен к службе и работал при лицее. После перевода Егора на практику в муниципальную больницу бывшего вояку прикрепили к нему для охраны и помощи. Днем он отводил мальчишку на место, а вечером притаскивал обратно, частенько прямо на руках. За месяцы, проведенные вместе, Егор и Григорий не то чтобы подружились, но научились вполне сносно сосуществовать. Егор потихонечку подлечивал отставника, а Григорий ненавязчиво оберегал его от различных неприятностей, которые Егор по малолетству просто не замечал.

Так, стоп. Это я теперь Егор. Нельзя даже в мыслях думать как-то иначе.

Григорий внимательно меня оглядел и с деликатностью, которую трудно заподозрить в таком медведе, спросил:

– Как вы, Егор Николаевич? Доктор велел вам не вставать. Может, утка требуется? Я мигом принесу.

И с проворством, мало ожидаемым для такой туши, соскочил со стула и бросился в угол палаты, где на полу стояло приготовленное судно. Во время помощи в таком нужном деле Григорий стал отвечать на незаданные вопросы:

– Ох и испугали вы всех, Егор Николаевич. Валялись недвижно аж три дня, как есть

покойник. Брат ваш, Дмитрий Николаич, дважды в день прибегал справляться о вас. А уж начальство почти ежечасно бывает, все ждут, как очнетесь. Мне строго-настрого велено сразу же бежать на доклад, в любое время суток. А уж Андреаса-то проклятого завуч наш по залу прямо и размазал. Лежит теперь супостат в соседней палате, про зубы новые мечтает.

Нехитрая шутка вызвала у меня улыбку.

– Ну вы тут лежите теперь спокойненько, а я за доктором побежал, да и Евгению Александровичу быстренько доложусь. А потом снова у вас буду.

И, обиходив меня, Григорий резво выскочил за дверь.

А я привычным для Егора усилием обратился к своему источнику и... замер.

Источника больше не было; совсем!

Там, где всегда приветливо мерцала разноцветная звезда моей силы, царил разгром. Выбитые зубы Андреаса больше не казались мне смешными. Хотелось встать, пройти в соседнюю палату и медленно убивать моего врага. Да-да, именно врага, так как то, что он сделал, не может остаться неотомщенным. Даже просто срыв источника стал бы большой проблемой, но полное его разрушение – это конец всему! По сути, он лишил меня будущего.

Эта чухонская сука лишила меня магии!

Пока я раздумывал над приемлемыми способами умерщвления врага, в палате появились новые действующие лица.

Первым примчался наш интернатский доктор, Михаил Игнатьевич. Этот человек был глубоко уважаем Егором, являясь вторым, после матери, наставником в мастерстве врачевания. И пусть его источник не шел ни в какое сравнение с бывшим моим-Егоровым, но его опыт позволял ему претендовать на звание мастера-целителя.

Ворвавшись в палату, он принялся творить привычные манипуляции над моим телом, параллельно забалтывая меня:

– Ну, здравствуй, Егор. Что-то ты ко мне зачастил последнее время, понравилось, что ли? Так лучше бы просто так на чай приходил: что я, для тебя варенья пожалел бы...

Тут Михаил Игнатьевич запнулся на полуфразе и повернул ко мне белеющее на глазах лицо. Это его диагностика показала то, что я и так уже знал.

– Как же так, Егор?.. Как же так? – как заведенный повторял он.

Тяжело осев на освобожденный Григорием стул, доктор с жалостью смотрел на меня.

– Как же так, Егор?.. Как же ты теперь?..

Трясущимися руками Михаил Игнатьевич снова скастовал диагностику. Она показала то же, что и раньше, – полное отсутствие *силы* во мне. Как ни странно, но я по-прежнему видел магию, несмотря на отсутствие источника. Видимо, эта способность как-то уцелела.

Не в силах поверить очевидному, доктор снова и снова что-то кастовал, но чуда не происходило.

– Хватит, Михаил Игнатьевич, так вы совсем без сил останетесь, – пришлось вмешаться мне. – Я уже и так все знаю.

Ссутулившийся доктор закрыл руками лицо и стал раскачиваться на стуле. Но вдруг встрепенулся и закричал:

– Я этого так не оставлю! Я дойду до его величества! Егор, ты только не отчаивайся, мы что-нибудь придумаем!

– Чем же мне император-то поможет, Михаил Игнатьевич? Вы же знаете: такие повреждения либо восстанавливаются сами, либо нет. И наука их пока не научилась лечить. Тут даже лучшие целители бессильны.

И это было правдой. При всей своей магии целители могли воздействовать только на физическое тело пациента, потому-то и лежала моя мать уже год в коме, что ее источник уснул. Потому-то и бесполезны мне были любые целители, хоть продайся я со всеми потрохами в какой-нибудь клан для оплаты лечения.

– Как же так, Егор?.. Как же так? – опять запричитал доктор.

Во мне стало глухо ворочаться раздражение.

Что ж вы, суки, раньше-то не спохватились? Угробили пацана, а теперь причитаете: «Как же так, как же так?» – А вот так! Каком кверху! А ведь Егор и к тебе, старый козел, прибежал. Плакался, что нагрузка непосильная, да и наставник лютует. Только что ты ему тогда сказал? – «Надо потерпеть, Егорушка. Тяжело в учении – легко потом». Очень парню это, мля, помогло. А теперь убиваешься, старый хрен. А вот выкуси! Жил я шестьдесят лет без магии, и сейчас проживу. И хоронить меня раньше времени не надо. А то ишь, распереживался он тут, видите ли!

Тем временем в палату явился завуч, собственной персоной. Егоркино сердечко привычно радостно встрепенулось, но тут же заглохло, придавленное моей волей.

Ну а ты что теперь мне пропоешь, дятел долбаный?

В отличие от Егора я не испытывал никакого трепета перед этой красивой седовласой сволочью. На его одобрение мне было откровенно начхать, а теперь еще и в морду хотелось дать.

Видимо, что-то такое на моем лице отразилось, так как завуч явно поперхнулся заготовленными словами. Свиристое выражение лица доктора тоже не оставляло надежды.

– Егор, ты только не переживай, – зачастил Евгений Александрович в несвойственной ему лебезящей манере. – Все восстановится, вот увидишь...

Ты это, голубь мой, кому заливаешь? Мне?! Будущему медику?!

– Ты, главное, пока не волнуйся; вот увидишь, все наладится. Учиться пока будешь как прежде, с ребятами, а с твоим источником мы что-нибудь придумаем.

Он продолжал и продолжал что-то тарыхтеть, пока не начал повторяться, а я мучительно пытался понять, что же эта ситуация мне напоминает.

Точно, мля, это ж гребаный «Хогвартс» и директор его – добрый дедушка Дамблдор!!! Ё-моё, это ж я теперь – долбаный сквиб, получается! А очочками ты, дедушка, посверкиваешь неубедительно! Двочка тебе, сука очкастая.

Как постоянный пользователь Интернета, я в свое время не мог пройти мимо Поттеромании. Творчество как самой мамы Роулинг, так и ее последователей скрасило мне немало вечеров. И самым моим глубоким впечатлением от саги было и есть желание превентивно расстрелять всех взрослых, описанных в магической и немагической Британии. То раздолбайство, что там происходило, мой мозг отказывался воспринимать адекватно, да простят меня все любители Поттера и Ко.

Надо сказать, что Евгений Александрович абсолютно не походил на канонного дедушку Дамблдора. Стильно одетый, даже со сна выглядящий вполне импозантно, он ничуть не напоминал внешне чудаковатого директора из сказки, но меня уже понесло, и мозг начал наклеивать ярлыки на все происходящее.

Мадам Помфри что-то, сука, плохо выглядит: видать, сильно изменилась за лето... Зато Хагрид точно как в книге. А вот Снейпушку я еще навещу, припомню Гаррины слезки. Ты, мля, еще не знаешь, на что способен старый злобный подполковник. У тебя, дятел, фантазии такой нету...

Как я мог бы навредить в этом хилом теле Андреасу, я пока не знал, но собирался придумать.

Мои собеседники тем временем успели поругаться, видимо продолжая уже не раз начинавшийся спор.

– Как же вы собираетесь убирать причиненный вред, Евгений Александрович? Это ведь не насморк все-таки! Ваш протеже перешел все границы, вы ведь мне обещали, что все будет под контролем! – кричал, распалаясь, доктор.

Ну-ка, ну-ка: а вот с этого места – поподробнее... Что там и кто кому обещал?..

Заметив мой интерес, завуч осекся на полуслове.

– Михаил Игнатьевич, сейчас абсолютно не время для такого разговора, мы утомляем Егора. Егор, – обратился он уже ко мне, – ты сейчас просто поправляйся и набирайся сил. Как бы дальше ни сложилось, мы тебя в обиду не дадим. Если будет нужно, я похлопочу, и вас с Дмитрием примут в мой клан. В любом случае сейчас еще рано говорить о прогнозах, так что пока не о чем волноваться.

С этими словами он подхватил под локоть набирающего воздух для какой-то реплики доктора, и буквально вытащил его из палаты.

Волноваться действительно не о чем. Нет источника – нет проблем. Что-то тут явно сдохло и воняет.

Мне резко захотелось, как Гаррику в пятой книге, сотворить стихийный выброс и разгромить все в комнате. Только вот беда, стихии меня больше не слышали, да и громить по большому счету в палате было нечего.

Обыдна...

В палату бочком прокрался Григорий, и я в который раз поразился его звериной грации. Каждое движение было плавным и точным, словно он не шел, а танцевал.

Не о том думаешь...

А подумать было о чем. Это только Егор, как Гарри Поттер, мог думать, что завуч не в курсе происходящего. А вот я был уверен в обратном. Не мог Евгений, сука, Александрович не знать, чем занимается один его протеже с другим. А то, что происходящее с парнем было каким-то образом на руку завучу, – и ежу понятно. Иначе бы он предпринял какие-то меры после жалоб пацана. Все-таки училище было под юрисдикцией ЕИВ, и директором его числился какой-то член императорской фамилии. ЧП в таком заведении сильно ударит по репутации нашего драгоценного начальника: значит, что-то другое было в его планах.

Может я, мля, избранный?.. Счаз, суко: выдадут мне волшебный девайс и отправят штурмовать злого колдуна-Волдеморду с Гермионой наперевес? Только с Гермионами тут напряженка: училище-то мужское. А на роль Рона подойдет мой братец или нет?..

Опять не о том думаю...

Значит, принимаем как данность, что наш завуч что-то крутил насчет Егора. Только вот пережали они с Андреасом, и пацан сломался, иначе бы меня здесь не было. Светлая тебе память, Егорка. Я за тебя отомщу всем этим сукам.

Что бы ни обещал мне сейчас этот местный Гендальф, соглашаться нельзя. Во-первых, берем за аксиому, что добра он мне не желает. В чем бы ни заключалось это абстрактное добро, не может оно начинаться с того, что сироту-малолетку калечат.

Во-вторых, я, как ни крути, все-таки не Егор. Буду вести себя несоответственно возрасту, обязательно проколюсь с какими-нибудь словечками или знаниями из прошлой жизни. Наверняка у них тут дела на всех заведены, и все психологические портреты там прописаны:

будущая элита государства как-никак; а тут я, такой красивый...

В-третьих... впрочем, хватит и первых двух.

А теперь – что я могу.

А ничего я, мля, не могу.

Денег... нет, и до совершеннолетия Митьки не будет, что-то там дед навертел с завещанием. Да и не факт, что мне что-то обломится, все-таки наследник – не я. До маминых финансов мне тоже не добраться, пока она в коме. И там вряд ли густо, ведь мать как чувствовала – заплатила за наше с братом обучение до конца после особо удачного дела: исцелила какую-то шишку из Генштаба, подробностей не знаю, все-таки врачебная тайна есть и здесь.

Да и не хочется мне начинать свой путь здесь с ограбления матери Егора. Как-то это совсем по-свински будет. Мать Егор искренне любил.

А вообще, как-то все в цвет завучу складывается: и денег у нас нет, и вступить за нас с Димкой некому, и находимся мы у него полностью под колпаком. Надо бы еще узнать, не имеет ли он какой-то лапы в мамином госпитале: слишком уж удачно для него она из комы не выходит...

Тут я вынужден был прервать свои размышления, так как в палату заглянул Митька, брательник мой, собственной персоной, с завтраком на подносе. Завтраку я обрадовался, а вот Митьке – не очень. О чем мне разговаривать с четырнадцатилетним пацаном, не уберегшим младшего брата, было совсем непонятно. Хотя что он мог сделать в этой ситуации? Разве что поддержать, когда все отвернулись от Егора. Да он вроде так и делал, хотя и считал, что Егор сам виноват.

Брат аккуратно передал поднос подскочившему Григорию, а сам уселся на кровать.

– Горка, прости... – Вдруг этот здоровенный парень скривил совсем по-детски лицо и заплакал. – Не слушал тебя, не уберег...

Это был не мой брат. Я был у своей матери единственным сыном, а после ее смерти в моем мире у меня не осталось никакой родни. Но этот мир сделал мне такой подарок. Я помнил, как этот мальчишка учил меня кататься на велосипеде, как с палкой в руках защищал от бродячих собак, хотя сам боялся их до жути. Я помнил, как мы сидели рядом с дедом у камина, слушая его истории, как мама укрывала нас одним одеялом на двоих, потому что я отказывался спать отдельно. Это нас с ним застала гроза в поле, и он повалил меня на землю, закрывая от молний и града своим телом. Целый пласт воспоминаний всколыхнулся с его приходом. В горле встал комок, а глаза предательски щипало.

Кто я такой, чтобы отказываться от такого дара?

И я обнял этого мальчишку, от которого пахло моим детством, которое я украл у другого ребенка. Я гладил и утешал его, и плакал с ним сам.

Григорий опять проявил деликатность и оставил нас вдвоем.

Сентиментальный порыв у меня быстро прошел, и я шепотом начал торопливый инструктаж:

– Митька, тут что-то нечисто. Ты, главное, сейчас у завуча ни на что не подписывайся, какие бы золотые горы ни обещал. И еще – верь мне, Митька, что бы ни говорили. Мы ведь с тобой братья.

– Гор, ты что задумал? – таким же порывистым шепотом спросил меня брат.

– Еще не знаю, Митька, только здесь мне оставаться нельзя, изведут меня завуч с Андрейкой тихой сапой. Что-то они мутят, но вот что – понять не могу. Может, к дедовым

тайнам подобраться через нас хотят, может, еще что... Скользкие они какие-то. Ты хоть теперь-то веришь, что я не врал про Андреаса? – Я пытливо заглянул в такие не похожие на мои, но такие родные глаза.

– Прости, Горыныч, теперь верю.

– Вот и помни об этом, если завуч с Андрияшкой к тебе подкатывать будут. Не по пути нам с ними.

– А как же ты, брат? Что теперь с тобой будет?

– Все нормально будет, не бойся за меня. Мне теперь сам черт не страшен. Отбоялся я свое. Ты только помни, что они меня не пожалели и тебя так же могут. Не верь им...

Наш разговор прервали. В палату заглянул Григорий:

– Дмитрий Николаевич, пора вам. Скоро завтрак закончится, все на занятия пойдут. Идите, я Егора Николаевича сам покормлю. Идите, а то не ровен час хватятся вас, греха не оберетесь.

Митька с тоской глянул на меня.

– Побегу я, Егор, вечером еще загляну, ты только держись, не раскисай.

– Не буду, Митька. Сам слезы подотри, я еще не умер.

– Вот и не умирай!

С этими словами Митька соскочил с моей койки и унесся в направлении ученического корпуса. А Григорий взял поднос и собрался кормить меня завтраком.

– Ну ты уж инвалида-то из меня не делай, с завтраком я и сам справлюсь.

Я перехватил у Григория поднос и сразу же чуть не спалился. По привычке взял ложку в левую руку. Пришлось делать вид, что правой поправляю тарелку. Разносолами меня не баловали – жиденький бульончик и водянистая каша притворялись моей едой. Желудок недовольно заурчал. Пришлось пообещать ему что-нибудь посытнее в будущем.

Слабо заваренный чайк заполировал это продуктовое изобилие, и мой персональный нянь понес посуду на мойку. А я опять остался со своими веселыми мыслями наедине.

А ведь про деда я, может, и не зря ляпнул. Дед-то наш непростым человеком был. Как-никак постельничий самого государя! Правда, предыдущего, но в кухне придворной поварился нехило. А учитывая продолжительность жизни местных аристократов, вполне может быть, что компроматик, собранный им, до сих пор не протух. Наоборот, те, кто тогда юнцами бегали, сейчас в самую пору вошли, главами кланов-родов стали. Не зря дед бирюком жил, ох не зря.

Может все это быть интригой ради дедова наследства?

А черт его знает. С одной стороны, вроде все в цвет: ради меня Митька может пойти под какой-нибудь клан на условиях передачи дедова архива. А с другой стороны, как-то все слишком сложно. Можно было и просто к Митьке подкатить, запудрить мозги, наобещать золотых гор. Много ли пацану надо... Да, в конце концов, просто отобрать. Хотя Митька в будущем маг не из последних станет. И хоть дар у него послабее моего, зато боевого направления. Такого попробуй скрути.

Смешно. Теперь брату нечему завидовать. Теперь его резерв всяко больше моего.

Опять не о том думаю.

И все-таки версия так себе. Андреас, сука, чего-то другого добивался. Прибить-то меня или искалечить он куда как проще мог.

Что-то он, гад, про мой источник знал. И тут все упирается в маменьку, Диндилю свет Дамировну. Ну и имечко... И хоть в крещении приняла она имя Дарьи, иначе чем Диндилей

дед ее не называл. Чем-то она насолила крепко ему. А может, наоборот, уважение он ей так выказывал. Кто его, старпера, разберет, всегда себе на уме был.

Только с матерью придется погодить. Тут самому бы ноги унести, да так, чтоб на Митьке не отыгрались. А в госпиталь мне теперь дорога заказана, там Залесский меня мигом поймает.

Так я и лежал, перебирая варианты почти до самого обеда. Изредка в палату заглядывал Григорий, уточняя, не надо ли мне чего-нибудь. Часов в одиннадцать в коридоре раздался топот шагов, закончившийся грохотом в соседней палате. Неприятная ломота в зубах указала на включение какого-то блокирующего магию артефакта. Увы, другие признаки применения дорогушей игрушки были мне теперь недоступны. Короткая возня за стенкой и наступившая тишина яснее ясного показали, что одним соседом у меня стало меньше.

Я даже не знал, хорошо это или плохо для моих планов. С одной стороны, поквитаться с Андреасом очень хотелось самому, но вот что я ему реально смог бы сделать в своих обстоятельствах – большой вопрос.

Решив, что увели его явно не в кондитерскую конфетами угощать, я немного позлорадствовал и выбросил гада из головы.

Я подумаю об этом завтра... если буду жив...

Еще через пару часов основные вехи плана были намечены, осталось только дожидаться ночи.

Как медленно тянется время, если нечем себя занять...

Визит притихшего доктора. Фальшивые слова ободрения. Успокаивающее в правую ягодицу.

Обед.

Тихий час.

Полдник.

Опять сон до самого ужина.

Ужин в компании Митьки. Обмен незначительными фразами и тоска в глазах. Все он понимал, мой брат.

Вечерний визит доктора.

Общеукрепляющий укол со снотворным в левую половину задницы.

Черт! Мы так не договаривались.

На неудобном стуле возле койки опять стал пристраиваться Григорий. План начал трещать по швам. Оглядев палату в поисках тяжелого предмета, понял, что единственный вариант – стул – занял сам Григорий. Другие варианты не придумывались. Начало действовать снотворное. Не стал сопротивляться, уснул.

Примерно в два ночи резко вышел из сна и наткнулся на внимательный взгляд личного надзирателя.

– Егор Николаич! Возьмите меня с собой! Вам потребуется помощник.

Ни хрена себе заявочки!

«Возьми меня, я тебе пригожусь...» Нет, там наоборот было: «Отпусти меня, я тебе пригожусь...»

Внимательно смотрю на своего визави и держу театральную паузу.

Молчи, за умного сойдешь.

А я ведь ничего, в сущности, про этого товарища не знаю...

– Егор Николаич! Нешто я не разумею? Нельзя вам тут оставаться, да токмо не сможете

вы без помощника. Вы ж ни жизни городской не знаете, ни людёв. А я и с деньгами помогу, и с ухоронками. Вы ж меня, считай, на этот свет вытянули. Я ж теперь как человек хожу, а не как калека какой-то. Вы мне помогли, теперь мой черед добром отплатить.

– А ты сумеешь – (вот прилипло словечко!) – Григорий, что обратного хода не будет? Я сюда не вернусь.

– Разумею, Егор Николаевич! Да токмо я ж вам вместо пса буду. В ногах спать буду, сон стеречь, токмо не гоните. Не сдюжить вам одному никак.

Фанатичный блеск в глазах бывшего гвардейца пугал. А с другой стороны, есть за что ему благодарить Егорку. Мало-помалу, но точечные целебные воздействия почти каждый день на протяжении полугода подлечили Григория. И если в сентябре еще его должны были мучить нехилые боли, то сейчас его состояние было заметно лучше. До полного выздоровления было еще далеко, но и инвалидом, как раньше, гвардеец себя не должен был ощущать.

Адекватный взрослый на моей стороне закрывал много белых пятен в моем плане.

– Хорошо, Григорий! Тогда помоги мне вот в чем: мне нужна обычная одежда, лучше бы не моя. Харчи нужны. И деньги из моей куртки. Ты сейчас иди, найди все, а часа через два жди меня в саду на заднем дворе. У тебя ведь есть ключ от калитки?

– Есть, как не быть. Только вы, Егор Николаич, поклянитесь, что не уйдете без меня.

– Клянусь, ей-богу клянусь. – И я перекрестился.

Григорий тенью выскользнул из палаты.

А я, кряхтя, как пенсионер, встал с койки. В стенном шкафу нашлась моя повседневная одежда, в которой меня, видимо, притащили сюда, и, главное – нормальная обувь. Сбегать в ночь босиком мне не улыбалось.

Минуты текли, как песок сквозь пальцы, но я помнил старую мудрость: «Торопиться – это делать медленные движения без перерывов».

Поехали.

Раз: из мусорного ведра в углу палаты извлекается пара использованных доктором перчаток. Да, наверняка все будут знать, кто это сделал, но пусть еще докажут.

Два: дверь в процедурную запиралась на смешной замок, поддавшийся обычной гнутой скрепке, замеченной уже давно в щели между досками.

Три: процедурная соединена с кабинетом доктора обычной межкомнатной дверью, даже незапертой; захожу.

Четыре: подхожу к рабочему компьютеру Михаила Игнатьевича, включаю, ввожу пароль, записанный тут же, на обратной стороне клавиатуры.

Пять: пока грузится комп, нахожу в шкафу свою медкарту, складываю ее в найденный пакет.

Шесть: захожу в каталог медданных, запускаю поиск по своей фамилии. Из архива вытаскиваю данные первого попавшегося курсанта. Меняю свои данные на другие.

Семь: чищу логи, затираю следы как могу.

Восемь: выключаю комп, аккуратно удаляюсь тем же путем.

Девять: отключаю в щитовой автомат, питающий сигнализацию. Пришлось повозиться.

Суки, я десять лет в безопасности банка отработал. Здесь вам – не там.

Десять: по служебной лестнице поднимаюсь на административный этаж, обходя хаотично натыканные сигналки, благо способность видеть *силу* осталась при мне.

Одиннадцать: запасным ключом уборщика, традиционно спрятым под горшком

герани в коридоре, открываю кабинет завуча, аккуратно пролезаю под очередной сигнальной нитью.

Двенадцать: не торопясь обыскиваю стол Залесского, пароль находится на стикере под столешницей.

Боже, храни идиотов.

Тринадцать: загружаю комп, копирую информацию на найденную флешку, затираю следы.

Четырнадцать: зависаю перед дверью сейфа – в сейфе торчит ключ. За такое везение явно придется чем-то заплатить. Аккуратно осматриваю все на предмет сигналок. Чисто.

Боже, ты – есть.

Пятнадцать: в сейфе пусто, если не считать тощей пачки купюр. Складываю в пакет.

И то хлеб.

Шестнадцать: стою перед дверью в архив и очкую. Ключи из ящика стола Залесского подошли. Набираю побольше воздуха: щелчок замка...

Семнадцать: забираю пухлую папку своего личного дела, просмотрев попутно другие документы.

Восемнадцать: до назначенного Григорию срока остается десять минут. Стою у окна, вглядываясь в темноту двора. Ветка шевельнулась. Тень соткалась в мрачную озирающуюся фигуру.

Девятнадцать: Милославские или Лопухины? Лопухины или Милославские? Решка монеты решает мою судьбу. Крутится диск телефона правительственной связи.

Двадцать: вылетаю навстречу Григорию на задний двор:

– Ходу, уматываем!

Две фигуры, маленькая и большая, растворились в лабиринте улочек старой Москвы.

Интерлюдия первая

Тихон Сергеевич Милославский, как и многие пожилые люди, спал чутко. Поэтому пиликанье своего личного телефона услышал сразу. Сердце замерло: номер был известен лишь нескольким людям, а время звонка навевало беспокойство. С хорошими новостями в такое время не позвонят.

Номер абонента не определялся, что говорило либо об использовании правительственной связи, либо о некоторой подготовке звонившего.

– Спишь, Тиххоня?... – прошипели в трубку. – Мышьей не ловишь...

От ужаса волосы встали дыбом. Говорившего давно не было на белом свете.

– Т-т-ты?!

– Хорек. Фейерверк. Беляш. Одиннадцать. Код шесть, время два. Училище Святого Михаила. Опыты над одаренными. Залесский, Скинкис, Рюмин, Бодров. У тебя здесь, кажется, два внука учатся?.. Время пошло...

Зловещий шепот стих, раздались короткие гудки.

Несколько слов перевернули привычную картину мира. Не каждый день (ночь!) тебе звонит покойный учитель и сообщает о заговоре. В другой момент Тихон Сергеевич мог бы и не принять всерьез такой звонок, начать расследование, но уж очень хорошо вписывалась

полученная информация в текущие события. Что-то такое происходило в империи. Нехорошее. Но все ниточки постоянно ускользали, рвались, терялись. Прокрутив полученные сведения и так и сяк, Милославский решил поверить и начать действовать.

Да и внуки... Никто, даже их отец, не знал, куда спрятал их дед. Цепочка подставных людей, много-много наличных – и в училище поступают два неприметных паренька. Рода не высокого, но и не низкого. Не золотая молодежь, но и не голытьба подзаборная. Учатся себе без проблем, на каникулы к папе-маме ездят.

Если заговорщики узнают, кем приходится Милославскому Юрий и Андрей, – парням несдобровать. От таких заложников не отказываются. Впору пожалеть, что не отправил их, как изначально собирался, в Киев. Поддался собственной слабости видеть их хоть изредка и издалека.

Ну что ж, зря мятежники выбрали именно это училище. У главы Безопасного приказа было два часа, и он не упустит больше ни минуты.

– Антон! Маскировку включить! Максим, срочно поднимай людей по второму тревожному списку! Матвеева ко мне в кабинет! Антон! Машину к дверям гаража! Уедем через тоннель. Пошевеливайтесь, черти! Время дорого.

В особняке на Лиговке завертелась суета, но сторонний наблюдатель вряд ли что-нибудь заметил – заработавшая маскировка скрывала и свет, и шум, и движение.

Интерлюдия вторая

Дверь в камеру отворилась беззвучно, но заключенный все равно поднял голову и уставился на вошедшего.

– Евгений Александрович! Ей-богу... – начал оправдываться он.

Посетитель без слов зарядил узнику прямой в нос.

– Ты, урод, понимаешь, что почти сорвал нам все дело?! Я на одни только поиски несколько лет потратил, а ты!!!

Мощная затрещина сбила заключенного с ног. Пинки посыпались на лежащего.

– Я тебя, чухонская шваль, подобрал, отмыл, придел. К делу приставил. Тебе ведь надо-то было всего попрессовать мальчишку, чтоб он у меня крепче на крючок сел. Тварь!

– Евгений Александрович! Клянусь, и в мыслях не было! Как помрачение нашло!

В жалком человечке, ползающем перед раскрасневшимся Залесским, трудно было узнать всегда надменного Скинкиса. Андреас схватил Залесского за ноги и, рыдая, стал умолять:

– Пощадите, Евгений Александрович! Вы же знаете, я не хотел. Пощадите!.. Я ведь все для вас!.. Отработаю!.. Пощадите!!!

Настроение у Залесского медленно поползло вверх. Определенно, стоило зайти сюда после тяжелого дня.

– Нужен ты больно... убивать тебя еще... А отработать придется. – Слова еще перемежались пинками, но уже лениво, без запала. – Сегодня еще отлежишься, а завтра архив начнешь чистить. Нам с союзничками сегодня по пути, а завтра разойдемся. А наработками я делиться не собираюсь. Перебьются.

Андреас отполз от хозяина и привалился спиной к стене. Размазывая рукавом кровь по лицу, он внимательно слушал и кивал как заведенный.

– Из камеры пока тебя не выпущу, сиди здесь, чтоб никому глаза не мозолить. Архив сюда принесут.

– А с мальчишкой что теперь? – осторожно поинтересовался Скинкис.

– Не твоя забота. Потом, когда заварушка начнется, по-тихому провернем все. Может, и получится еще, вроде бы все на кровь, а не на *силу* завязано. А там – концы в воду. Был мальчик, не было... Без этой гнилой крови мир только чище станет.

– А брата его?

– Вот с чего ты решил, что умнее всех? Давно уже проверили его брата. *Брата!* Тьфу! – Залесский такой интонацией выделил слово «брат», что объяснять ничего не понадобилось.

Андреас, поняв, что убивать его пока не будут, несколько расслабился.

Евгений Александрович тоже заметно успокоился и уже ничем не напоминал разъяренного зверя, каким казался в начале визита. Оставив Скинкиса зализывать раны, завуч поднялся из каземата наверх, шагнул было в сторону административного корпуса – поработать, но плюнул и пошел к себе на квартиру. День был тяжелый, а утром надо быть в форме. Продержаться бы оставшуюся пару недель без происшествий...

Глава 2

Я лежал на тюке с какими-то тряпками, слушал мерное постукивание колес и насвистывал прилипчивый мотивчик про полковника Васина. Трудно быть в нашем мире однофамильцем данному персонажу, да еще и подполковником, и не знать эту песню. Слава богу, армейская карьера завершилась до ее выхода, а то от шуток сослуживцев прохода не было бы. Хотя как раз в Пугачеве у курсантов в первый раз ее и услышал. А уж как могут доводить курсанты, скажет вам любой преподаватель.

Поезд тихо ехал в Баку, настроение было отличным – первая часть смётанного на коленке плана оказалась выполнена на все сто процентов, а может, и больше. Газеты, принесенные проводником, скрашивали вынужденное безделье.

Ни на что не надеясь, принялся листать «Московские известия» – и вот она, моя награда. Уже на третьем развороте: ушел из жизни, бла-бла-бла, скорбим и помним, бла-бла-бла, не забудем – не предадим... и фото Залесского в траурной каемочке. Оперативно сработал Милославский.

Каюсь, когда набирал номер, вдолбленный дедом в детскую память Егора, и вспоминал пароль, который фигурировал в рассказах на ночь, поджилки тряслись, как у зайца. А вдруг дед просто развлекал нас байками, ничего не имеющими общего с действительностью?.. Но потом подумал: а что я теряю? Ну окажется это каким-то левым номером, подумает человек, что его разыграли или ошиблись. Потеряю три минуты времени. А вот если это и вправду окажется телефон Милославского, то бонусов я извлеку из этого немерено. Даже если пароль – липа, глава Приказа заинтересуется хотя бы потому, что речь пойдет о его внуках.

О внуках догадался еще Егор, но окончательно сопоставил информацию уже я. Благодаря урокам и рассказам нашего героического, как оказалось, деда – кто есть кто в империи, я знал на отлично. Причем не просто так, а с биографией, родней, имуществом и прочими полезными сведениями. Когда другим детям читали «Муху-Цокотуху» (да-да, Корней Чуковский был и здесь!), нас с Митькой знакомили с деяниями значимых фамилий, с полным раскладом по лицам. И надо сказать, было это совсем не скучно. Умел дед ко всем найти подход.

Так вот, возвращаясь к Милославским: были у деда и фотки юного Тихона Сергеевича. Это сейчас он старый, бородатый и весь из себя вальяжный, а в молодости был тощим парнишкой с характерным прищуром и фамильной родинкой на шее. И вот на него-то молодого и были страшно похожи два брата со старших курсов. И хоть выдавали они себя за других, Егор точно видел, что родство меж ними и Милославскими – самое близкое. Только Егору не особо это интересно было, в училище многие под чужими фамилиями жили. А вот я нашел, как этот факт использовать к своей выгоде.

Когда перестал трястись, поймал кураж и так точно повторил дедовы интонации, что, похоже, перестарался. Я даже успел подумать, как бы Тихона Сергеевича кондратий на радостях не хватил.

А ведь дед-то у нас круче Бонда, получается, был. Вертелся в этом великосветском гадюшнике да шпионил за всеми. А вечерочком, видимо, царю сказки наподобие наших рассказывал. Чтоб тому спать спокойнее было. Эх, дед, жаль, что тебя больше нет. Ты б такого гадства не допустил бы... Ну хоть за науку спасибо, выручила.

После моего триумфального выступления мы с Григорием метнулись прочь от

интерната. Гвардеец ненавязчиво задал направление и привел нас на окраину Москвы, в частный сектор. Почти сутки мы провели в каком-то заброшенном домике, о котором Григорий божился, что его «ни в жисть не свяжут, как есть» с ним. А на следующий день Григорий умотал на разведку, а я остался «на хатке жены деверя троюродного племянника». Подчинившись личной паранойе, тщательно обыскал дом, но ничего не нашел. Вышел во двор, что было строго-настрого запрещено Григорием, осмотрелся. Ничего особенного. Грязная по весеннему времени улочка, покосившийся забор, пустая будка. Задний двор выходил на какой-то вонючий ручей, за которым виднелись поля и длинная петля железной дороги. От скуки перебрал рюкзак, прихваченный Григорием для меня. Добротная неброская одежда, сухпай, отдельно немного денег, но явно не мои – моя нычка была поскромнее. Всё как я просил.

Посидел, подумал. Еще раз вспомнил все, что знаю о Григории. Подумал еще раз. А потом собрал из занавесок узелок, покидал туда часть барахлашка, еду, да и двинулся в сторону «железки». Через полчаса ожидания нужный мне поезд сбавил ход на затяжном повороте. Рывок, прыжок – и вот я уже еду в неизвестность.

Прости, Григорий, но чей бы ты ни был агент, дальше я сам. Больше я никому не позволю управлять собой ни из каких побуждений. Хватит.

Перебираться куда-то по мчащемуся поезду было откровенно стрёмно; пришлось, вцепившись в поручни, ехать на подножке, куда и запрыгнул перед этим. Пока доехали до какой-то узловой станции, страшно замерз, не май месяц-то. На станции долго караулил пассажирский поезд в нужном направлении, стараясь никому не попадаться на глаза. Пассажирский «Москва – Баку» как нельзя лучше подходил к моим планам, так что я рискнул пойти договариваться с проводником. Особо присматриваться было некогда, стоянка занимала всего десять минут, но постарался выбрать самого пройдошистого. Человеком он оказался понимающим, к нуждам народа в моем лице отнесся благосклонно, особенно подкрепленным портретами мертвых царей. Неистребима тяга простого народа к этому виду искусства. Сказку, старательно сочиненную мной, слушать даже не стал, сразу назвав сумму, чем заслужил мою искреннюю признательность.

Жратва было захвачена с собой в достаточном количестве, а если что – думаю, мой проводник не откажется подзаработать еще копеечку. Развлечь себя смогу сам. Медленно, но верно поезд отдалял меня от Москвы с ее проблемами.

Когда еще в лазарете я раздумывал, куда податься, мне вспомнилась одна книга, сюжет которой похож на мои обстоятельства. Детдомовскому пацану надо было легализоваться, и он бросился в зону межклановых военных действий, выдавая себя потом за осиротевшего ребенка. План действий настолько подходил к моим реалиям, что я не стал ничего придумывать дополнительно, сосредоточившись на деталях.

В настоящий момент на территории империи острых конфликтов не было, но Вовка из параллельного класса хвастал, что его отец собирается взять сына на войнушку против отколовшегося рода как раз в первых числах мая. Типа набраться опыта. Разумеется, все это говорилось лишь одному самому доверенному другу, но место было выбрано неудачно, и Егор услышал часть разговора. Тогда ему это было по барабану, а вот мне вовремя вспомнилось. Яблоко раздора – участок на Бакинском месторождении, который попытался вывести ушлый глава рода из-под юрисдикции клана Волковых. Сначала хитромудрым делегам дали время одуматься, но те не воспользовались своим шансом. А теперь клан, чтоб не потерять авторитет, будет вынужден решать этот вопрос силой. Не удивлюсь, если хозяев специально

спровоцировали на отделение, чтобы оттяпать лакомый кусочек. Мир другой, а люди те же. А пострададут, как всегда, не только зачинщики, но и мирные люди. Как раз сейчас городок при НПЗ превращается в зону умеренных боевых действий, и вскоре там начнется основное веселье. Все в самый раз: городок небольшой, но и не деревня, где все друг друга знают. Запустить работу нефтеперерабатывающего комплекса будет у нападающих первоочередной задачей, и, я надеюсь, на одного мальчишку никто не обратит внимания. Все как обычно: горе побежденным.

Трое суток путешествия пошли мне на пользу. Я наконец-то привел в порядок свои Егоровы воспоминания и смог понять, чего же я хочу в итоге. Ожидаемо это оказались: свобода, независимость, сильная родина и... небо. Я не Егор и не готов всю жизнь посвятить людским болячкам. Ничуть не умаляю заслуг врачей, просто это не мое.

А вот возможность летать манила. Для одаренных существовали специальные доспехи – боевые роботы, отдаленно напоминающие костюм Железного человека, а для обычных людей – все остальное. Конечно, стать пилотом МБК (мобильный боевой комплекс) я бы не отказался. Наверное, это круто, когда ты с небом наедине, без посредников. Ощущения, по слухам, непередаваемые. Остался б одаренным – стал бы всеми правдами и неправдами добиваться права пилотирования, но теперь эта дорога для меня перекрыта. Остается по старинке сесть за штурвал летающей машины, только я еще не решил какой. Влюбившись в детстве в вертолеты с первого взгляда, я, похоже, уже перерос свою любовь и теперь был открыт для новых отношений. Впрочем, у меня еще есть время подумать, для начала надо подрасти, закончить школу, пройти медкомиссию и только тогда делать окончательный выбор.

Как же хорошо быть молодым!

И как это сложно!

Теперь, успокоившись, я ужасался масштабам задницы, в которую попал. При побеге из Москвы я прошелся по самому краешку и до сих пор не верил в свою удачу. Все столько раз висело на волоске, что только божьим промыслом и можно оправдать. Взяв у проводника в аренду его простенькую читалку, я просмотрел часть скопированной информации. Что можно сказать: Залесский развернулся в нашем интернате во всю ширь. Курсанты ненавязчиво психологически обрабатывались, проводились сеансы гипноза и внушений. Не только я ходил на чай к начальству, других тоже приглашали. Неизвестно, как сработают эти закладки при отсутствии закрепления, но руководящих постов ребятам теперь явно не видать очень долго. Меня загипнотизировать не удалось, о чем есть пометка в записях, а чего хотели добиться с помощью садистских тренировок у Андреаса, теперь не узнать, но вряд ли чего-то хорошего.

Один раз мелькнула мысль бросить все, объявиться и вернуться, но я ее задавил в зародыше. Помимо покойного Залесского и иже с ним, которых вычистит Милославский, в интернате останется непонятно чей агент Григорий свет Андреевич – бывший гвардеец императора, разговаривавший почему-то слогом неграмотного сельского лаптя. Все эти его словечки типа «токмо», «ни в жисть», «людёв» крайне плохо вязались с двумя высшими образованиями в не последних по уровню вузах, значки которых здесь, кстати, было принято носить на парадной одежде. Но в парадке я Григория ни разу не видел, а о двух «вышках» узнал из его личного дела, которое успел мельком пролистать перед побегом из училища. Да и переигрывал товарищ не по-детски. С развитием радио и ТВ даже на самом отдаленном хуторе так уже не говорили. Это только немного наивный Егор мог принимать его неумелое

притворство за чистую монету.

А ведь я его еще и лечил, падлу!

Неизвестны также имя и судьба покровителя Залесского и Ко. Вряд ли глава Безопасного приказа поделится со мной информацией о ходе расследования. А пока главгад на свободе, я не могу чувствовать себя в безопасности.

Но самая главная для меня опасность на старом месте – это дети. Во-первых, они знали настоящего Егора. Пусть последний год он почти ни с кем не общался – подмену все равно почувствуют. Во-вторых, училище предназначено для одаренных, а я теперь чистый сквиб. И в этом долбаном «Хогвартсе» меня просто заключают, тут не надо быть гением психологии, чтобы это понимать.

Есть еще куча причин не ехать обратно, но перебирать их мне уже надоело – пора решать, как буду действовать на месте. Купленная на предыдущей станции карта легла на стол.

Сейчас я примерно здесь, а надо мне вот сюда. Пожалуй, придется сойти с поезда пораньше. Кызыл-Бурун слишком близко к нужному мне району, станция там может быть закрыта Волковыми. А часть лишних километров попробовать преодолеть автобусом или электричкой. Жаль, что нет интернета, можно было бы составить оптимальный маршрут, не выходя из поезда, но чего нет, того нет... Можно еще к дальнобойщикам напроситься, но это на крайний случай. Это с проводником мне повезло: запихал в свое купе, не лезет с расспросами и прячет при всех проверках; а дальше может всякое случиться. Обидно будет попасться в шаге от цели. Хорошо еще Пасхальная неделя идет, никого не удивит подросток, шляющийся на улице среди бела дня.

Решено: выхожу через час в Хачмазе.

Приняв решение, по-быстрому собрал свои нехитрые пожитки, сбегал в туалет, пока не закрыли, и стал ожидать прибытия.

Неожиданно состав начал сбавлять ход и остановился прямо посреди поля. Неизвестно откуда взявшиеся вооруженные фигуры выстроились по периметру вагонов, взяв окна и двери под прицел.

Опа, что за хрень?

В наступившей тишине четко прозвучал голос по громкой связи поезда:

«Просим всех сохранять спокойствие и оставаться на своих местах. Это *не* нападение и *не* ограбление! Проводится спецоперация силами клана Алиевых. Просим приготовить документы и билеты для проверки, а вещи – для досмотра. Повторяю...»

Дальше я уже не слушал, лихорадочно перебирая варианты. Подходящего не находилось. Но и просто так оставаться на месте было глупо. Распотрошив обратно только что собранные вещи, быстро отложил в сторону деньги и флешку. От медкарты, личного дела и других прихваченных из интерната бумаг я предусмотрительно избавился еще в Москве, соорудив нехитрый тайник неподалеку от домика Григория, а вот флешку прихватил с собой. Не могу сказать, что зря, все-таки я многое понял, изучая ее содержимое, но теперь она могла стать угрозой, попав не в те руки. Избавляться от нее надо было срочно. Взгляд зацепился за складную тележку проводника, задвинутую под стол. Выдрав ручку из фиксаторов (откуда только силы взялись?), загнал злосчастный девайс внутрь полой трубки, и, убедившись по стуку, что флешка провалилась до самого колесика, попытался приладить ручку обратно. По закону подлости, работающему во всех мирах одинаково, гадская железяка обратно не вставлялась. Потеряв на судорожных попытках секунд пятнадцать, взял себя в руки, глубоко

вздохнул, успокоился и одним движением вставил ручку в отверстия стойки. На какую-то долю мгновения даже показалось, что источник снова со мной, так легко вдруг прошло это действие, но думать об этом было некогда. Крупные купюры аккуратно свернул и сунул в подпоротый специально для этой цели шов на поясе брюк с надеждой, что эта уловка сработает. Оставшиеся три десятки и мелочь распихал по карманам. Закинул сшитый за время пути из памятной занавески сидор за плечи и стал соображать, где спрятаться самому, чтобы не подставить проводника и не привлечь лишнего внимания к его купе с моим тайником.

Шум в конце вагона заставил поторопиться. Слегка сдвинув дверь, осторожно выглянул в проход. На мое счастье, вагон был плацкартный, а проверяющие зашли с противоположного конца. Столпившиеся на проходе вопреки приказам люди, перекрикивая друг друга, пытались что-то выяснить у вошедших, всячески мешаясь и перекрывая обзор. Пользуясь случаем, я незаметно прошмыгнул на первые пассажирские места, освобожденные на предыдущей станции. Окна просматривались снаружи и иного места, кроме багажного отделения нижней полки, для прятков не оставалось. Юркнув под полку, затаился, ожидая дальнейшего развития событий.

Неожиданная стрельба где-то в соседнем вагоне спутала все карты. По всему поезду началась паника, жестко пресекаемая захватчиками. Снова ожила громкая связь:

«Внимание, просьба сохранять спокойствие. Идет спецоперация. Оставайтесь на своих местах и не оказывайте сопротивления. Вам не причинят вреда. Приготовьте билеты и документы для проверки. Повторяю...»

Лежать и ждать было страшно. Для достоверности стал специально накручивать себя, да так в этом преуспел, что, когда полка поднялась, впуская в мое убежище свет и воздух, взорам поднявших ее предстало невменяемое существо.

– Дяденьки, не стреляйте, не стреляйте, миленькие... Я больше не буду, не надо в меня стрелять... – бормотал я, мелко трясясь и подвывая.

Напрягшиеся вояки опустили стволы. Старательно держа руки на виду, я попытался выбраться из ящика.

– Козыев, помоги! – кивнул в мою сторону алиевец с нашивками сержанта.

Мощная рука вздернула меня за шиворот.

– Дяденьки, миленькие, не стреляйте, отпустите меня. Я больше не буду, не на-а-адо... – продолжил я свой концерт.

– Парень, ты кто? Откуда здесь взялся? – попытался достучаться до меня командир. Он снова и снова повторял вопросы, а я старательно изображал истерику. Наконец он не выдержал и вклеил мне смачную пощечину. Заткнуться получилось вполне естественно.

– Имя? Фамилия? Документы?

Зыркнув на сержанта исподлобья, съежился, продолжая молчать.

– Кто-нибудь знает этого парня?! – крикнул сержант в сторону пассажиров. Рядовой Козыев за шкварник выставил меня на обозрение в проход.

Осторожно выглядывающие со своих мест люди отрицательно мотали головами.

– Проводника ко мне! – продолжил сержант.

Подошедший проводник изобразил такое искреннее недоумение и негодование... Я почти поверил.

– Не было у меня такого пассажира, господин сержант. Видать, на последней станции пробрался, поганец! Ух, я тебя, ворюга! Так и норвят все время!

Разошедшегося в гнев проводника оттащили от меня и отправили обратно.

– Козыев! Выводи на фильтр, пусть там разбираются! – С этими словами командир потерял ко мне интерес и вернулся к прерванному осмотру.

Уже знакомый детина ткнул меня в спину, подгоняя к выходу.

Пока шли к дверям, боец проговорил в рацию:

– База, говорит восьмой, веду нарушителя, пятый вагон, встретьте.

«Восьмой, база на связи, помощь нужна?»

– База, помощь не требуется. Тут то ли заяц, то ли воришка мелкий. Совсем ребенок.

«Восьмой, принято, выводи. Встречаем».

Теплый азербайджанский воздух, пахнувший свежей зеленью, ласково встретил меня за дверью вагона. Два бойца из оцепления подхватили меня с подножки, спустили с насыпи и уложили лицом вниз.

От головы поезда опять послышалась стрельба.

– Лежать, не двигаться! – Пропыленный ботинок несильно придавил мою голову к земле.

Рация охранявшего меня бойца ожила:

«База! Это третий! Мы во втором вагоне. У нас раненые. Он, сука, прямо сквозь стены стреляет! Есть потери среди гражданских!»

«Третий! Отходите! Отводите гражданских! К вам идет Шаман. Повторяю, сами не лезьте, отводите гражданских».

«База, понял, поторопитесь!»

Знакомая вибрация в груди указала на применение мощной техники. Шум, треск.

«База, это Шаман. Клиент готов».

«Третий, доложите о потерях».

«Женщину с ребенком – насмерть, у мужчины по виду – средней тяжести. Еще две женщины – насмерть. Сука, какая сука! Сержанта зацепило».

«Третий, отставить истерику. К вам сейчас пришлют смену и медика».

«Есть отставить истерику».

Послышались шаги, меня вздернули на ноги.

– Этот, что ли, нарушитель? Чего с ним возиться-то! Пинка б дали, ясно ж, что не волковский. – В голосе прибывшего просто плескалась лень.

– Тебя не спросили. Бери и веди на фильтр. Порядок знаешь.

– Есть вести на фильтр. – Очередной тычок задал мне направление движения в сторону головы поезда. У раскуроченного второго вагона уже лежали несколько накрытых тел, чуть в сторонке стояли и курили бойцы.

– ...? – на гортанном наречии спросил что-то мой конвоир.

– ...! – явно послали его в ответ.

– ...! – сердито прокричал мой охранник, подталкивая меня в спину, и зашагал дальше.

У небольшого палаточного лагеря меня передали другому подразделению, отобрали обувь, ремень и вещи. Заначку не нашли, но особо и не обыскивали, так, хлопнули на предмет оружия и втолкнули к другим задержанным. В большой армейской палатке – на так называемом фильтре – скопилось уже человек двадцать. Мужчины, женщины. Была даже парочка стариков. На меня посмотрели настороженно и снова вернулись к своим думам.

– Сидеть здесь. – Меня с силой усадили на грубую лавку.

Потянулось ожидание. Где-то через час заскочил фотограф, отщелкал всех у стены анфас и в профиль и умчался куда-то дальше.

Один раз примерно за два-три часа нас поодиночке, в сопровождении конвоиров, вывели к «удобствам», выдали по бутылке воды и сухпаю в специальной одноразовой таре. Разговоры жестко пресекались. Снаружи доносились команды, разговоры, но почти все – на местном наречии, которого я не понимал. Если судить по интонациям, то простая рабочая обстановка. Так, в молчании, прошел еще примерно час.

А потом начался ад.

Интерлюдия третья

– Так ты говоришь, еще утром он ничего не понимал, а уже к вечеру составил примерный план и одним махом разорил это осиное гнездо?.. – Старческая узловатая рука потянулась к чашке с дымящимся отваром.

– Да, господин. – Бывший гвардеец Григорий стоял навтыжку перед монахом в простом черном балахоне стоимостью выше средней цены автомобиля представительского класса.

– Расскажи еще раз, с чего все началось. Только факты.

Ни единым движением лица и тела не показав отношения к перспективе снова пересказывать прошедшие события, Григорий начал:

– Девятнадцатого апреля Скинкис проводил с моим подопечным индивидуальный урок по раскачке источника. Прямо с тренировки сам Скинкис доставил его в лазарет с предполагаемым срывом источника. Доктор погрузил мальчика в целебный сон. Приблизительно в это же время Залесский избил Скинкиса, и того также доставили в лазарет. Освободившийся доктор оказал врачебную помощь пострадавшему учителю и поместил в соседнюю палату. Согласно вашим распоряжениям, я напросился в сиделки к Егору. Мальчик окончательно вышел из сна двадцать второго рано утром. Тут же выяснилось, что его источник полностью разрушен и нет надежды на восстановление.

– Почему ты решил, что нет надежды?

– Так сказал доктор Залесскому. Цитирую почти дословно: «Науке неизвестен механизм работы и восстановления божественной искры источника в человеке. Помочь ему мы ничем не можем. Все в руках Его».

– То есть категорически он не отрицал возможности восстановления? – Старик смочил горло очередным глотком горячего отвара. – Просто не знал, как помочь?

Гвардеец немного подумал и осторожно ответил:

– Да, господин.

Старик тяжело поднялся из-за стола и стал прохаживаться по келье, обдумывая какие-то мысли и нервируя Григория.

Несколько минут прошло в молчании.

– А как мальчик отреагировал?

– С виду довольно спокойно. Расстроился, но не сильно.

– Хм... Дальше!

– Из подслушанного разговора моего подопечного с братом я выяснил, что тот собирается бежать. Я тоже считал, что оставаться в интернате ему опасно, поэтому решил

оказать Егору помощь, которую тот принял. В назначенный час я встретил его в саду и вывел на базу номер два.

– А почему ты не ушел с ним сразу?

– Егору требовались одежда и обувь. Я, к сожалению, не знал, что в палате есть готовый комплект, поэтому счел возможным оставить его ненадолго. К моменту моего возвращения мальчик как раз поднялся на третий этаж. Боясь задеть сигнализацию, я посчитал целесообразным подождать его на условленном месте.

– А Егор, значит, сигнализацию задеть не боялся?..

– Мне не очень хорошо было видно, но мальчик шел по коридору так, словно знал, куда и как шагнуть.

– Как будто он видел эти ловушки?

– Да.

– А обычная сигнализация? Там же должны быть камеры, датчики?

– По неизвестной причине автомат линии, питающей сигнализацию в распределителе, был отключен. Скорее всего, это сделал Егор перед проникновением. Все автоматы подписаны, но все равно, конечно, странно... А единственная камера в коридоре не работает по распоряжению Залесского еще с начала года.

– Дальше!

– Прибыв на базу, я оставил знак для связного, но в условленное время никто не появился. – Тут Григорий позволил себе глянуть на начальство чуть укоряюще. Как ни странно, но старик вроде даже смутился.

– Все отправились контролировать людей Милославского. Очень уж неожиданно все завертелось, – соизволил оправдаться перед подчиненным странный монах. – Продолжай.

– Не дождавшись связного, мне пришлось оставить подопечного и отправиться на базу номер один. За время моего отсутствия мальчик исчез. Следов борьбы или похищения не обнаружено. Пропала также часть вещей и провизии. Все вещи с «жучками», как простыми, так и *силовыми*, остались на базе. Егор взял только «чистые» вещи. Даже рюкзак оставил, сделав, по-видимому, узел из имевшейся занавески. Поиск с собаками ничего не дал, вся территория двора засыпана перцем. Удалось только определить примерное направление поиска – объект явно ушел к железной дороге. В районе поворота обнаружены следы лёжки, но определить время и поезд не представляется возможным.

– Сам как думаешь, на чем прокололся?

– Могу только догадываться. В архиве лежало и мое личное дело с настоящими данными. Время бегло просмотреть его у подопечного было. Что-то его насторожило.

– Однако...

Старик еще раз прошелся по келье и, к облегчению Григория, уселся обратно за стол.

– Поиски мальчика продолжить всеми силами, но аккуратно. Это приоритетное направление. Вернешься в отдел, будешь им помогать.

– Но...

– Это приказ. Ту цепочку Милославский и без вас разматает, у него там еще и личный интерес имеется...

Старик некоторое время посверлил взглядом гвардейца, упрямо исподлобья смотрящего на начальство.

– Вижу, не понимаешь. Но это тебе и не нужно. Найдете Егора – отправишься к нему, попытаешься снова наладить контакт. Ступай с богом.

Григорий пристально посмотрел на монаха, низко поклонился и вышел из кельи.

Интерлюдия четвертая

Василию с детства нравились поезда. Его первая игрушечная железная дорога, заботливо и аккуратно упакованная в коробку, до сих пор ждала, когда подрастет новое поколение Ворончихиных. Но при наборе в железнодорожное училище выяснилось, что стать машинистом Василию не суждено – врачи нашли какие-то отклонения в организме абитуриента.

Это была катастрофа. Глядя на страдания парня, родители отправили его на курсы проводников, и неожиданно Василию понравилась его новая работа. Со временем он даже стал думать, что именно в этом его призвание. Новые лица, новые города, новые женщины. С одной пассажиркой, живущей на два города и постоянно курсирующей между ними, у Василия случился бурный роман, перешедший в брак. К моменту рождения дочери жена окончательно осела в Москве, а муж продолжал колесить по стране. Денег на ребенка требовалось немало, и Василий прочно освоил левые возможности своей работы. То посылочку перевезти, то лекарство из Москвы доставить, то скоропортящийся груз. Ну и, конечно, левые пассажиры. То кто-нибудь отстанет от своего поезда и окажется на перроне в одних тапочках, то кому-то срочно потребуется из пункта А в пункт Б, а билетов нет. Тут-то и приходил на помощь неизменный проводник Василий. Начальство сквозь пальцы смотрело на грешки подчиненных, если в меру, а меру-то Вася знал.

Так бы и катался наш герой беззаботно по стране, но в семье Ворончихиных случилось несчастье. У дочки Настеньки при очередном посещении врача нашли опухоль в голове. Опухоль оказалась плохой и не поддавалась лечению. Измученные родители бегали по больницам в поисках врача, решившегося бы на операцию, но везде получали отказ. Вероятность пережить операцию у Настеньки была минимальная. Девочка таяла на глазах.

А перед самым Новым годом случилось чудо. Лечащий врач позвонил и велел срочно приехать в муниципальную больницу номер пятнадцать. На следующий день Насте сделали операцию, и прогноз оказался вполне благоприятным! А еще через месяц почти выздоровевшую девочку выписали домой!

Василий очень хорошо запомнил бледного, едва стоящего на ногах мальчика, вышедшего из операционной. Ведь именно на него показал ему Настенькин врач, объяснив, кто подарил новую жизнь его малышке.

Поэтому, когда на станции к нему подошел этот мальчик с просьбой подбросить до Баку, Василий сразу согласился, устроив своего благодетеля со всем доступным комфортом. Он бы и денег не взял, но, видя крайне настороженное состояние парня, решил не пугать его еще больше и назвал сумму втрое меньше обычной таксы. К счастью, такая сумма у Егора, а именно так звали его благодетеля, была. В дороге Василий старательно помогал парню лишней раз не «светиться» перед людьми, чему тот был явно рад.

В конце пути благодарный отец собирался вернуть мальчику деньги и помочь выйти с вокзала незамеченным, но обыск поезда грянул как гром среди ясного неба. Встречая проверяющих, проводник искренне молил Бога о помощи себе и пассажиру. Бог не подвел. Мальчишка, спрятавшись в багажном ящике, так искренне изображал перепуганного «зайца»,

что алиевцы даже на мгновение не заподозрили их с Василием в сговоре. Подыграв парню как сумелось, проводник только и мог, что перекрестить удаляющуюся хрупкую фигурку:

– Храни тебя Бог, Егор!

Дальше события завертелись, и Василию стало не до парня. Сначала была перестрелка во втором вагоне, потом уцелевших в нем пассажиров спешно распределяли по пустым местам в поезде. Для эвакуации раненых, которых оказалось около десятка, быстро освободили как раз его вагон, с ними отправился медик, плюс нашлись помощники среди пассажиров, но все равно хлопот был полон рот. Потом состав тронулся в сторону Баку, сверкая зловещей пробоиной в стене второго вагона, оставляя позади волнения и приключения. А на вокзале пришлось побегать, перегружая раненых, их вещи, составляя отчеты, рапорты и прочие бумаги, сопровождающие каждое ЧП.

Поэтому, когда Василий на следующий вечер узнал из новостей о полном разгроме сил Алиевых в схватке с Волковым в этом районе, у него осталось сил лишь прошептать вновь:

– Храни тебя Бог, Егор!

Я кавалер ордена Боевого Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», медали «За отвагу», я совершил более ста боевых вылетов, я смотрел смерти в глаза.

Я видел, как горели и падали машины моих товарищей.

Я видел, как взрывается в небе снаряд, отнявший у меня потом руку.

Я с одним патроном в ружье встретил в лесу медведя и заставил его уйти.

Я ездил на разборки с бандитами, участвовал в перестрелках, уходил от киллеров.

Я думал, что знаю о страхе всё.

Ни хрена.

Всего пятнадцать минут работал миномет по нашему лагерю.

Мне показалось, что вечность.

Так страшно мне не было никогда. Я полз между разрывами и матерился. Мне казалось, что каждая сука-мина летит именно в меня.

После первого же залпа толпа задержанных ломанулась на выход, сметая конвоиров. Те и сами не знали, что им делать, и упустили инициативу. Несколько человек оказались именно диверсантами Волковых. Я собственными глазами видел, как пара старичков – «божьих одуванчиков» убила часового, отобрала рацию, что-то настроила в ней и стала корректировать огонь. Лишь решением держаться к ним поближе я объясняю, что все еще жив. Правда, когда на меня упала чья-то оторванная нога – каюсь, ненадолго потерял сознание.

Очнулся, когда миномет замолк. Тут и там раздавались крики и стоны. В воздухе висела пыль. А моей единственной мыслью было: «Живой! Жив!!! Выжил!!!»

Как ни странно, но, кроме нескольких порезов и ушибов, на мне не было ни одной серьезной раны. Лишь земля скрипела на зубах и пить хотелось невероятно.

Радость была недолгой. Подошла команда зачистки. А со стороны миномета прилетела троица «Тони Старков». Я впервые видел живую МБК, но мне было как-то не до этого. «Железные человеки» с воздуха подавляли редкие очаги сопротивления, а пехота добивала всех остальных.

Ко мне подошла пара солдат с давешним старичком. Солдат поднял автомат...

– Оставь, это гражданский, сидел с нами на фильтре, – приказал старик.

– А нам куда его?

– Да приткни где-нибудь, чтоб не мешался, вот и все. Все равно потом сюда команда Иваненко подъедет, они его и заберут.

Солдат закинул автомат за плечо и вздернул меня за шиворот. Многострадальная ткань воротника не выдержала всех издевательств сегодняшнего дня и треснула. Не обращая внимания, солдат потащил меня за периметр, где усадил на землю рядом с оцеплением.

– Ты, парень, в рубашке родился. Сиди здесь, жди.

С этими словами он развернулся и скрылся в пыльном месиве, еще недавно бывшем аккуратным палаточным городком.

Сижу... Жду...

Чтоб я еще раз, мля, поверил книжке...

Я же боевой офицер, я был на войне, почему я решил, что «войнушка» Волковых будет

походить на аккуратенький рейдерский захват нашего мира?

Нет, реально, когда я представлял себе эту заварушку по принуждению отколовшегося рода, я думал, что речь идет про обычный передел собственности со стрельбой в стиле наших разборок из девяностых. Реалии нашего мира застили мне глаза. А ведь я знал, что клан Волковых имеет на содержании вооруженные силы, сопоставимые с двумя дивизиями. И отколовшийся род это знал и на что-то рассчитывал, объявляя свой рокош.

Уже потом, спустя некоторое время, я случайно выяснил, что «небольшой участок месторождения», который я себе представлял в виде мини-городка на Апшеронском полуострове со средним по величине НПЗ и парой вышек, занимает сотни квадратных километров Каспийского моря, включает в себя десятки морских платформ и несколько заводов-гигантов. Нехилая ошибочка. Двойка по географии.

Пока я приходил в себя после случившихся перипетий, рядом со мной усадили еще пару бедолаг, пыльных и ошарашенных. Женщина лет тридцати, которую я видел на фильтре, и неопределенного возраста мужик с окровавленной головой.

– Нашли Шамана, не жилец! – раздался крик со стороны руин.

– Что с ним? – спросили с той же стороны.

– Ногу оторвало! Кровью истекает!

– Добейте! – раздался приказ.

– Есть! – Хлесткий звук выстрела.

Через полчаса суета на развалинах стихла и солдаты Волковых ушли, оставив нас дожидаться команды похоронщиков. Мужчине – моему коллеге по несчастью, стало хуже. Женщину тоже трясло. Вдобавок солнце село и стало ощутимо холодать. В поле пели кузнечики или еще какие-то твари, мимо периодически проносились поезда, и мы торчали, как три тополя на Плющихе, в окружении трупов. Полный пердимонкль! Пришлось подниматься и топтать обратно в лагерь, надеясь найти что-нибудь из медикаментов, одежды и еды.

Долгие поиски в потемках дали результат. Я наткнулся на труп с индивидуальной аптечкой, нашел воду и, удивительное дело, свои кроссовки! Вспомнив о женщине, поискал рядом женскую обувь, но бесполезно. Зато нашел несколько почти целых одеял.

Вернувшись, из каких-то обломков соорудил костер и занялся раненым. Промыв рану и намотав повязку, устроил его поудобнее. Пока я занимался мужчиной, женщина пришла в себя. Оставив на нее заботу о костре и раненом, снова отправился на развалины в поисках одежды и съестного.

Неясный стон привлек мое внимание. Осторожность во мне поборолась с инстинктами лекаря – и проиграла. Полез на звук. Найдя его источник, не поверил своим глазам! Стонал мужчина в форме алиевского клана с кошмарным обрубком на месте ноги и раной посередине груди.

А вот и Шаман. Только одаренный может жить с такими повреждениями.

Обрубок был перетянут жгутом, который кто-то успел наложить в этой мясорубке. Судя по трупам, Шамана прикрывали несколько бойцов, убитых чистильщиками Волковых. Передо мной встал в полный рост извечный вопрос: «Что делать?» Новый короткий стон заставил меня действовать.

Мне одинаково безразличны были и Волковы, и Алиевы, но бросить без помощи человека, исполнявшего свой долг, я был не в силах.

Так, здесь я с ним ничего не сделаю.... Надо подтащить его хотя бы к костру.

Ухватив раненого под мышки, попытался сдвинуть его с места. Ни хрена. В Шамане было килограмм сто десять, а сил в моем тринадцатилетнем теле – всего-то ничего.

Пришлось звать женщину на помощь. Вдвоем мы кое-как дотащили его к нашей стоянке, и я занялся осмотром. На удивление, рана на груди оказалась несмертельной. Пуля попала в какой-то медальон и отклонилась в сторону, а дальше явно ударилась о ребро и застряла в теле. Как мог прочистил рану и заткнул тампоном из стерильного бинта. Обезболил последним оставшимся шприц-тюбиком. Как подступиться к его ноге, даже не представлял. Пациент все еще дышал. За нами никто не ехал.

Будь со мной *сила*, я достал бы его пулю и зарастил рану без особого труда. Тем более что пациент тоже одаренный. Его источник сам стремится к регенерации тела, но что, черт побери, делать мне сейчас? Без *силы*? Без инструментов? Без лекарств? Без помощи?

А будет ли помощь? Вот приедет похоронная команда и прям сразу бросится лечить! Лопаты только помогут! Сам-то себе не ври... Грохнут его окончательно, да и прикопают со всеми... Жалко парня, совсем еще молодой.

А если?..

Безумная мысль захватила меня. Я, как сумасшедший, бросился в лагерь. Отыскал место, где чистильщики меня чуть не шлепнули, нашел оторванную ногу.

Да, я знаю, что время уже вышло, знаю, что нестерильность и все такое! Знаю, что лишился источника.

Но Шаман-то – нет!

Сейчас, пока не прошло десяти часов с момента ранения, его источник работает на максимуме, пытаюсь вернуть потерянную конечность. Еще примерно десять часов спустя, источник бросит все силы на рубцевание раны, а по прошествии суток полностью заглохнет. Потому и не стали возиться с ним бойцы Волковых, что шансов найти оторванную ногу и успешно приживить ее у них почти не было, а у калек источник почему-то отказывается работать. А так бы никто не стал уничтожать такой полезный ресурс. Но у них не было меня! Целителя, пусть и бывшего.

С ногой наперевес и двумя аптечками, снятыми с трупов, я появился у костра. У женщины отвисла челюсть и округлились глаза. До этого момента я думал, что такие лица бывают только в аниме.

– Как тебя зовут? – очень своевременно решил познакомиться я.

– На-на-талья... – не с первой попытки выговорила она.

– Наташа, я сейчас приведу его в чувство и сниму жгут. Твоя задача – плотно прижимать ногу. Справишься?

– ?..

– Блин... что неясного: плотно прижимаешь и держишь!

– Я по-попробую... – Наталья решила не спорить с сумасшедшим в моем лице.

А обстановочка-то как располагает! Ночь, звезды... кровь, трупы, двое раненых и я с оторванной ногой под мышкой. Р-р-романтика!..

Аккуратно промыв водой срезы (скорее, обрывки), приставляю ногу к обрубку, ослабляю жгут и с помощью Натальи фиксирую всю композицию. Вкальваю Шаману противошоковое и стимулятор. Боец медленно приходит в себя. Вижу, как ручейки его *силы* устремляются к ране и затухают.

– Так, боец: не спим, а то не проснемся! *Силу* направлять умеешь?

Шаман тупо пялится на Наташу, силясь понять сквозь боль, что происходит. Слабой

пощечиной привожу его в рабочее состояние.

– *Силу* направляешь в правую ногу. Концентрируешься, как будто пробку выбить хочешь!

Пациент явно что-то понял, но направляет *силу* не к ноге, а к груди. Еще одной пощечиной возвращаю его внимание.

– Я сказал – к ноге! Ты ногу потерять хочешь?!

Опа, дошло; вот что пендель животворящий делает...

Шаман тужится, преодолевая боль. Несмотря на серьезность ситуации, так и тянет сказать, что тужиться надо в другом месте. Просто многим проще представить процесс напряжения *силы* как напряжение мышц. Наталья держит его ногу и смотрит на нас широко раскрытыми глазами.

Точно ей в аниме надо.

Шаман периодически отвлекается, но на этот случай у него есть я. Пощечинами, уколами и угрозами заставляю его делать то что нужно. Ближе к рассвету кровоснабжение ноги восстанавливается, и регенерация идет бешеными темпами уже без нашего участия.

Медики оказались бессильны перед желанием пациента жить...

Даю знак Наталье, и мы дружно валимся на землю.

– Он выживет?.. И поправится?.. – сиплым шепотом спрашивает девушка.

– Теперь – да. И даже одаренным останется.

Неожиданно Наталья дергается, всхлипывает и начинает завывать раненой белугой. Стресс последних суток выходит безобразной истерикой. Из последних сил подползаю к ней, обнимаю, глажу, шепчу что-то успокаивающее. Так в обнимку мы и засыпаем прямо на холодной земле.

Утро встречает нас пением птиц, солнцем в глаза и полным отсутствием обещанной помощи. Проверяю своих пациентов. Шаман тяжело дышит, щеки ввалились, нога выглядит безобразно, но в *силе* все воспринимается совсем неплохо. Регенерация замедлилась, но продолжает работать. Источник пульсирует часто, но ровно, без перебоев. Рана на груди почти затянулась и выглядит лучше.

Второй мой пациент за ночь умер.

Как же так?.. Сука, почему так?!

Стою над телом неизвестного мужчины и бессильно сжимаю кулаки.

Как же так?..

Понимание, что в случившемся я не виноват, что у меня не было ни оборудования, ни лекарств, что у раненого, видимо, были внутренние повреждения, незаметные при осмотре, помогает слабо.

Соберись, тряпка!

Приказ, отданный самому себе, помогает взять себя в руки. Все верно. У меня на руках остался раненый Шаман, который идет на поправку, но которого может прибить где-то задержавшаяся похоронная команда. Остались босая и почти раздетая девушка и полный воз личных проблем, включая отсутствие денег, документов и вещей. Тяжело вздыхаю и отправляюсь в очередной раз на мародерку.

– О, Серый, гляди: артисты погорелого театра на выезде! Гастроли сусликам даете?

На придумывание достойного ответа нет ни сил, ни желания.

Весело балагурящие бойцы выпрыгивают из кузова прибывшей машины и тут же кривятся, обозрев поле деятельности.

– Э, погорельцы – вы что, так всю ночь и день тут и сидели? А чего в село не пошли?

В администрации вас с утра дожидаются.

– В какое село?

– В Заливку. Всего-то в двух верстах отсюда.

Захотелось грязно выругаться. Помощь была буквально в двух шагах.

– А мы знали? Нам приказали сидеть здесь, ждать вас, мы и сидим. Да и раненый у нас.

– Мля, пристрелить надо этого придурка Борисова! Мало того что приказ передал с опозданием, так еще и гражданских бросил. Урод!

Веселый старшина подошел к нам, посмотрел на забинтованного Шамана, на нас, сплюнул и выматерился.

– Ребят, простите, но у меня приказ. Сейчас здесь приберем и доставим вас в лучшем виде. Пока потерпите. Что-нибудь нужно?

– Воды бы... – робко подала голос Наталья.

– Сейчас сделаем. Мошковцев, организуй воды погорельцам, и вообще!..

От кучки бойцов отделился один и направился к машине, откуда достал канистру воды и выдал нам со словами:

– Только это... всю не тратьте, нам еще тоже надо будет.

Тем временем прибывшие деловито снарядились в балахоны и занялись организованной мародеркой – не чета нашим дилетантским потугам. Найденное оружие складывали на один расстеленный брезент, личные вещи, документы и деньги – на другой, всякое пригодное к дальнейшему использованию барахло – на третий. Убитых относили в центр лагеря, в одно место. Туда же бросали всякий хлам и мусор.

Наташу затошнило, а я внимательно наблюдал за процессом. Мне в этом мире теперь жить. К чести работающих, никакого глумления над поверженными не было. Просто противное дело, которое надо сделать. Вообще я заметил, что в команде были только степенные пожилые мужики, явно повидавшие в жизни многое. Часа два продолжался этот жуткий конвейер, но всему приходит конец. Закончив, старшина скомандовал:

– Отбой, славяне!

К этому моменту бывшее место лагеря представляло из себя небольшой курган с перепаханной вокруг землей. Командир вызвал кого-то по рации, и все дружно отошли к машине. Пока бойцы упаковывали хабар и приводили себя в порядок, старшина подошел к нам.

– Вы, ребята, это... зла не держите. Про Борисова, что вас здесь оставил, я куда надо сообщу, его там вздрючат. Нате вот, возьмите. – И он сунул нам по небольшой стопке купюр.

– Зачем нам? – попыталась отказаться Наташа.

– Ну как же, барышня... Вам теперь документы новые справлять, обувку... Багаж опять же весь потерялся. Берите. Я ведь понимаю все. Попали как кур во щи... Раненому вашему я в карман положу. – Он действительно вложил в нагрудный карман Шамана деньги.

– Спасибо... – только и смогли пролепетать мы.

– Сейчас погрузимся,ждемся погребения, да и отправимся.

Что он понимал под погребением, я понял только спустя минут пять. С севера прилетела одинокая фигура в МБК, покружилась над местом, да и пульнула фаерболом в курган.

Не, я, конечно, знал, что огневики круты, но чтоб настолько... А ведь я так же бы мог, наверное...

Еще через пять минут лишь оплавленное пятно на земле да невыносимая вонь напоминали о произошедшем здесь побоище. Волковские сняли фуражки, кое-кто перекрестился, провожая павших.

А я в душе ликовал. Почти до самого конца я опасался, что убитых как-то будут фиксировать, хотя бы фотографировать для последующего опознания. Но пронесло, и наш финт с подменой Шамана остался нераскрытым. Почему я так привязался к этому парню – и сам не мог себе объяснить. Наверное, потому что это был первый спасенный мною в этом мире человек, и я чувствовал ответственность за его судьбу...

Прекратив самокопание, отправился на погрузку. Волковские по возможности удобно разместили нас в кузове грузовика, и мы наконец отправились в путь.

Заливка оказалась большим селом, где нас сначала завезли в больницу, а потом сдали на руки участковому. Проследив за устройством Шамана, я предупредил доктора о вколотых препаратах и что пациент одаренный.

– А как зовут-то хоть его? Что в карте написать?

Тут-то я и осекся. Шаман и Шаман, а вот имя-фамилию я и не знал никогда.

На помощь пришла Наталья:

– Да мы ж незнакомы с ним. Только и слышали, что зовут Аликом вроде.

– Ладно, придет в себя – узнаем. Идите уже, а то самих впору здесь оставлять, – с таким напутствием доктор передал нас в цепкие лапы администрации.

Совсем нестарый участковый реально оказался от слова «участие». Представился, напоил нас чаем с бутербродами и только потом стал расспрашивать. Первой слово взяла Наталья.

– Меня Натальей зовут... ну то есть Иванова Наталья Сергеевна, а это племянник мой Геша, Иванов Геннадий Аркадьевич, сын брата. Живем в Каспийском, я там работаю, а Гешка в интернате учится. Решили на Пасху родне сюрприз сделать, да вот что вышло. К знакомому проводнику в поезд «Москва – Баку» напросились, а тут вот... И главное, гады, мало что с поезда сняли, так и документы отобрали, обувь, гостинцы, всё... – Пущенная слеза дополнила рассказ.

Хорошо, что участковый смотрел в этот момент исключительно на Наталью: умытая, с растрепанными мокрыми волосами, в живописно разорванной одежде, она была чудо как хороша. Удалось скрыть от его взгляда мои квадратные глаза и отвисшую челюсть.

Вот это настоящая женщина! Врет как дышит.

Ну, я ей рассказал вкратце про свои обстоятельства, без подробностей, все-таки куковали мы с ней вдвоем долго, но ничего такого не обсуждали.

А полицейский все расспрашивал и расспрашивал Наталью на предмет нашей с ней биографии, пока она не взмолилась:

– Николай Степанович, можно нам хоть справочку, а? А то ведь ехать как-то надо, да и замордуют потом в паспортном столе, штраф неподъемный выпишут...

Участковый уже давно «поплыл», глядя на девушку, но продолжил свое дело:

– На действия волковских жалобу писать будете?

Знать бы еще, какой ответ правильный...

А Наталья не подвела: уставилась на стража порядка своими красивыми глазами, хлопнула ресницами и спросила:

– А надо? Николай Степанович, миленький, вы скажите, как вам проще будет, мы ведь все понимаем...

Участковый как-то выразительно замялся, и я сразу понял: жалобы не будет. Решил подать голос:

– Тёть Наташ, ну что нам жалобы-то слать, это ведь еще задерживаться придется, а я домой хочу. Наприключались уже...

Обрадованный полицейский сразу подсунул нам бланки отказа от претензий, выдал бумагу и ручки для заявлений.

– Вы, молодые люди, все, что с вами случилось, опишите с подробностями, и что паспорта утеряли. А я пока звонить буду. – И начал накручивать диск телефона. Я уж и забыл, как эта древность выглядит.

Пока Николай Степанович говорил по телефону, мы с Натальей старательно выводили свои каракули. Сначала я заморочился насчет почерка, но потом плюнул и стал заполнять бланк как есть. Дальше Сибири не пошлют. Хорошо еще по разным углам не рассадили и я смог списать с «теткиного» заявления «свои» данные.

– Да-да, уточните, пожалуйста.... Работает такая?... А копию паспорта вышлете?... Да ничего не случилось, жива, все в порядке, паспорт утеряла, вот данные сверяем... Да-да, на факс... Спасибо.

Ощутимо напрягся, когда участковый дозвонился до канцелярии «моего» интерната, но Наталья сделала страшные глаза, и пришлось снова уткнуться в писанину.

– Учится такой?.. А куда уехал?.. А копию метрики вышлете?.. А кто забрал?.. А как тетю зовут?.. Степановна или Сергеевна?.. Ах у вас просто «С» проставлена... Да ничего не натворил, паспорт вот утерьял, данные сверяем... Да-да, на факс... Спасибо.

Из факса вылезли бумажки с нашими данными. Знаете, к получившимся копиям фотографий даже марсианин бы подошел. Но Николай Степанович выглядел вполне довольным.

– Ну вот, все и уточнили. Давайте ваши заявления. Так... Наталья Сергеевна, а что ж вы не указали, как знакомого проводника зовут? Надо ж уточнить.

– Знаете, Николай Степанович, не буду я хорошего человека подставлять! Ему и так из-за нас алиевские накостыляли, да еще по вашему ведомству неприятности выйдут... Он нас, сирот, пожалел, а ему такие хлопоты теперь будут, – уперлась девушка.

– Хм... Ну, значит, так. Справки я вам сейчас выпишу. На автобус посажу. Только получать паспорта новые лучше у нас, по месту утери, иначе действительно штраф будет. Вы сейчас заявления напишите, да и оставьте мне. А в пятницу подъедете, заберете. Можно будет здесь часть выходных провести, места у нас красивые. Устроит вас так?

Это что ж красота-то с человеком делает! Ведь так и стелется перед Наташкой!

– Ой, Николай Степанович, вы ж нас совсем спасаете. А вам удобно будет? – закокетничала девушка.

– Работа у меня такая. Было б неудобно – не предлагал бы.

Они бы еще долго любезничали, но вмешался я:

– Давайте бланки-то!

Спустя два часа мы наконец вырвались из этого липко-сладкого царства правопорядка и устроились в автобусе. Я уже устал отбивать поползновения участкового от Натальи и был откровенно рад покинуть это сверхгостеприимное местечко. Он бы и дольше нас держал, но автобус уходил по расписанию и ждать не собирался. Жаль только купить одежду не удалось.

– Ну, Наталья, ты и артистка! Что теперь?

– Домой поедем, дорогой племянничек, наконец-то домой!

Интерлюдия пятая

Молодой лейтенант в форме Волковской гвардии стоял навтыжку перед капитаном и получал выволочку.

– Лейтенант Борисов, скажите, какой у вас был приказ?

– Убрать подразделение Алиевых, действующее на железнодорожной ветке! Шамана уничтожить!

– Не уничтожить, а взять живым или мертвым, причем живым – лучше! Ты зачем его добил?

– Господин капитан, этот гад уже десяток наших положил, а я должен был с него пылинки сдувать?

– Борисов, не зли меня! У тебя на руках был живой Шаман! Который стоит полмиллиона рублей! Вот зачем?!

– Он не жилец уже был! Ему ногу оторвало, он кровью истекал.

– Да не твоя забота! Эти одаренные и не при таких ранах выживают!

Капитан устало потер переносицу. Лейтенант стоял, упрямо склонив голову.

– Шамана точно прикончили?

– Яковлев контроль делал. Точно в сердце. В рапорте все изложено.

– Почему тело не привез?

– А куда мне его? Фотографии сделаны. А труп команда Иваненко должна была доставить.

– Борисов, ты представляешь, что через сутки на жаре с трупами происходит? Почему сразу Иваненко не вызвал?

– Виноват, господин капитан! Завертелся.

– Виноват он... Вот именно, что виноват! Это ж надо, полмиллиона рублей!.. Ладно, закрыли тему. Доложу наверх, что Шаман выбыл. Что там за история с гражданскими?

– В ходе операции в лагере обнаружили трое гражданских. Их не тронули, просто отпустили.

– Просто отпустили?! А что ж помощь не оказали, почему бросили в поле?! Нам здесь дальше работать; почему до места не доставили?

– Виноват, господин капитан! Там до Заливки всего пара километров было. Кто ж знал, что они так и останутся на месте?

– Борисов, опять нарываешься! Тебе победа над Шаманом глаза застила! Как они с раненым бы потащились? Там тяжелый без сознания оказался!

– Не было там раненого, все целы были: так, одни царапины! Вот кого хотите спросите, проверьте! Поршневу их выводил из лагеря, Матвеев и Ильин в оцеплении стояли.

– И проверю! Дежурный: Матвеева и Поршнева ко мне!

Вызванные явились спустя несколько минут.

– Рядовой Поршневу, доложите о состоянии гражданских, найденных на месте лагеря! Были у них травмы?

– Есть доложить! Девушка и парень вроде целы были, только посечены сильно, а у мужчины на голове рана была, кровило сильно.

– Рядовой Матвеев, есть что добавить?

– Так точно! Мужчине потом хуже стало, а девушка с парнем в шоке были!

– Свободны!

Рядовые вышли из кабинета, а капитан многозначительно посмотрел на лейтенанта.

– Борисов, я тебя прикрываю только потому, что победителей не судят! С гражданскими кто надо поработал, отказ от претензий они написали. Но имей в виду: в другой раз никто за тобой подтирать не будет! То, что Шамана завалил, да еще без особых потерь – поздравляю, молодец; но то, что живым не взял или хотя бы тело не привез – это твой косяк! Идите, лейтенант Борисов, подумайте. Премию вашему подразделению выпишут до конца месяца.

– Есть идти! – И лейтенант с видом победителя покинул кабинет начальства, услышав напоследок:

– Это ж надо, полмиллиона рублей!..

Интерлюдия шестая

Наташе Ивановой с детства внушали, что, если хорошо учиться, много трудиться, помогать младшим и слушаться старших, все в жизни сложится хорошо. Наташа старалась. Затемно вставала, чтоб покормить скотину, затем бежала пять километров по горному серпантину из своей деревушки в школу, потому что если жить в интернате, некому будет помочь маме с младшими детьми. Уроки старалась делать на переменах, чтобы дома успеть постирать, прибрать, погладить, искупать, покормить, подоить... И искренне не понимала, почему ее все вокруг жалеют. Мама, стремясь подарить отцу наследника, родила одну за другой пятерых дочерей, и только после получилось родить сына. Частые роды измотали женщину, а бабушка была старенькой и успевала только готовить на всю ораву, так что почти весь быт многодетной семьи пришлось взвалить на себя старшей дочери. Но Наташа вовсе не унывала: у нее подрастали четыре помощницы и гордость семьи – Максимка, будущий хозяин дома. Правда, сестры как-то не спешили помогать по дому, предпочитая допоздна проводить время в школьном селе, где были клуб, библиотека, детские площадки, так ведь и Наталья со временем приоровилась справляться со всем хозяйством быстрее и частенько успевала прибежать вечером на часик к подружкам. А мелкие что?.. Успеют еще наработаться...

Первый звончок прозвенел после седьмого класса. Наташа закончила среднюю ступень на одни «превосходно» и «хорошо» и была рекомендована к зачислению в старшую школу. Одна беда – обучали старшие классы только в Павловке, которая находилась еще дальше. И директор школы наотрез отказывался принимать девочку без проживания в интернате.

– Да поймите вы! – объяснял он родителям. – Тридцать километров по нашим горам нельзя каждый день бегать! Это ж как марафон ежедневный! А если случится что-нибудь с девочкой?! А если обидят лихие люди?! Вы же сами локти кусать будете!.. Только интернат!

Но за проживание и питание надо было платить. Пусть и не очень большую сумму, но сильно ощутимую для их многочисленной семьи. Еще и младшие вой подняли, осознав, что могут остаться не только без няньки-кормилицы-поилицы, но и без обновок к школе. Всем миром Наталью уговорили годик потерпеть, пообещав взять на откорм скотину, чтоб забить по осени и заплатить за двух сестер разом.

– У тебя ж направление три года действует! Потерпи, родненькая. С Анечкой-то, поди,

еще и веселее учиться будет! А пока дома сидишь – заработаешь еще. Вон козий и кроличий пух как в городе ценится: шали по пятерке на рынке продают; да и молочко парное можно возить, и творожок...

И Наташа терпела. Чесала кроликов и коз, откармливала гусей и овец. Даже пару индюков на пробу завела. За зиму бабушка научила ее вязать тонкие платки и шали, а в выходные отец сажал ее на телегу и возил в город, где она стояла на базаре и торговала рукодельем и деревенскими продуктами. Свинья с поросятами сыто хрюкала в загоне, а свинка-копилка, купленная отцом, пополнялась рублями.

Гром грянул, откуда не ждали. Сестрица Аня, окончив среднюю ступень, сбежала из дома поступать в старшую школу в Махачкалу вместе со своими подружками. Попутно опустошив копилку и родительскую записку. Обезумевший отец вместе с другими родителями разыскал беглянок, когда уже было поздно. Девчонок ограбили, избили и изнасиловали. Существо с потухшим взглядом, вернувшееся домой, мало напоминало смешливую легкомысленную сестренку. Все деньги, заработанные той зимой, ушли на лечение и развлечение Ани.

Не было счастья, да несчастье помогло: осознав, что могут пролететь с учебой благодаря средней сестре, младшие сестры-близняшки встали насмерть и все-таки заставили родителей откладывать снова деньги и сами стали учиться их зарабатывать.

И вот долгожданный день настал. Копилка торжественно разбита, деньги сосчитаны, начали собирать пожитки. И опять нелады! Сестрица Аня, поняв, что может остаться на хозяйстве одна, взбеленилась и устроила истерику:

– Я тоже хочу учиться! Я не поеду на следующий год с малолетками!!!

Близняшки Валя и Галя, работавшие всю зиму наравне с Наташей, уступать не хотели. У старшей оставался только один год для поступления, дальше – только за деньги. Средняя уперлась насмерть. А накопленного хватало лишь на троих...

Мать ожидаемо вступилась за Аньку, она все еще жалела непутевую кровиночку. Никакие уговоры не помогали. Бабий ор стоял такой, что отец в сердцах вылетел из дома, хлопнув дверью.

Положение спасла приехавшая в гости сестра отца. Рано овдовев, она не вернулась в отчий дом, устроившись на работу в Каспийском. Тихим голосом тетка выговорила родителям все, что о них думала:

– Вы что, вконец офонарели?! Совсем девчонку за человека не держите! У нас, между прочим, рабство законом запрещено. Ладно Варька – она баба-дура, но ты-то, братец, куда смотрел?! Тебе Анька скоро совсем на шею сядет, а ты и рад! Всю семью на уши подняла, а ты, вместо того чтоб вожжами ее уму-разуму научить, старшую умницу сгнобить решил?! Не бывать этому!!!

Но согласие не находилось. Плюнув на уговоры, волевым решением тетка забрала Наталью к себе в Каспийское, в старенький разваливающийся домик, оставшийся от мужа. И снова жизнь потекла ровно, девочка училась в школе, помогала тетке, копила вместе с родственницей деньги на ремонт халупки.

Очередной звоночек прозвенел со смертью тетки Прасковьи. Родственница слегла и сгорела быстро, в три дня, когда Наталья уже работала по распределению в лаборатории, отучившись на фармацевта в местном училище. Родственники, приехавшие на похороны, высоко оценили многолетние труды двух женщин по приведению домика и участка в порядок. Слава богу, тетка успела оформить завещание на любимую племянницу, но Анька

орала, ничуть никого не стесняясь:

– Почему тебе все, а нам ничего! Ты, шалава, нас бросила, мы там всей семьей с хлеба на воду перебиваемся, а ты, оказывается, здесь жируешь!!!

Как можно перебиваться с хлеба на воду при отлично налаженном хозяйстве, Наталья не понимала, но отец, науськанный остальным семейством, отсудил у нее две трети имущества. Всегда примерная дочь такого предательства не ожидала. Участок пришлось продать, а на оставшиеся деньги купить такую развалюху на окраине Каспийского, что руки опускались.

Беда не приходит одна: жених, ухаживающий за Натальей весь последний год, бросил девушку, найдя себе невесту побогаче. На работе обошли с повышением, поставив на место старшего лаборанта набитую дуру, все достоинства которой исчерпывались наличием родового герба на рукаве.

Прожив в таких условиях последние полгода, Наталья обрела мечту: вот она заработает много-много денег, получит любым способом родовой герб и поедет по улицам Каспийского. Обязательно на шикарном блестящем авто. И обязательно по улице, где живут бывший жених с разлучницей. А когда они впечатлятся и заплачут, поедет в лабораторию. Там она небрежно так выберется из авто, обязательно в стильном платье, шляпке, выдохнет дым от сигареты с длинным мундштуком в лица заведующей и старшей лаборантки, и лениво процедит:

– Увольняйте меня, я здесь больше не работаю...

А еще обязательно съездит в родную деревню, и мать с отцом будут плакать, что не любили такую примерную дочь, а сестрица Анька – рвать на себе волосы и выть белугой...

Каким образом можно заработать столько денег, хорошая девушка Наташа не представляла, но в странном пареньке, позаботившемся о ней в трудный час, бесстрашно обшаривающем трупы в поисках спасения, бившем по лицу одаренного Шамана, Наталья увидела *шанс*. И не собиралась его упускать...

Москва встретила нас легким летним дождем, шумом, суетой и пронзительным колокольным звоном. Петров день. Раньше мы бы обязательно сходили семьей в церковь, отстояли службу. Дома дед сначала всласть прошелся бы по происхождению маменьки, а потом вытащил из заначки какую-нибудь бутылочку и устроился с ней на веранде. А мы с Митькой, набегавшись на улице, устроились бы вечером рядом с ним на лавочке и стали слушать его истории. Эх, были денечки...

Скосил глаза на свою попутчицу – Наташка выглядела растерянной и ошарашенной, что сразу выдавало ее провинциальное происхождение. Словив снисходительную усмешку какого-то хлыща, решительно дернул девушку за руку и потащил на выход из людского водоворота. Надо отдать ей должное – в себя она пришла быстро, но все равно вертела головой по сторонам, отвлекаясь и приостанавливаясь. Честное слово, хотелось дать ей пинка. Московский вокзал и привокзальная площадь – не те места, где стоит ловить ворон. И только выполнив квест по спуску в метро и посадке в вагон впечатлительной родственницы, смог слегка расслабиться. Путь наш лежал на окраину Москвы, в рабочий поселок, где я надеялся затеряться среди толп таких же приезжих в поисках счастья.

– Геша, подожди, я не успеваю!

– А я тебе говорил: надевать туфли – плохая идея!

– Ну, Гешенька... – Наталья не к месту разнылась уже на подходе к цели нашего путешествия.

– Ладно, смотри: оставляешь меня с чемоданами здесь, а сама идешь к магазину искать нам жилье. Видишь, вон бабки торгуют?

У местного центра культуры и досуга – обшарпанного продуктового магазинчика – и правда стояли два прилавка, где классические бабульки из старой советской жизни торговали семечками, орешками, мочалками и прочей чепухой.

Ненавижу семечки.

По небольшой площадке перед магазином носились дети самых разных возрастов. У чьего-то забора кучковалась молодежь постарше. Степенные старички играли под навесом в домино, успевая попутно отхлебнуть из пускаемого по кругу стакана. Где-то еще дальше орал магнитофон или проигрыватель голосом популярного певца. Жизнь была ключом.

Господи, я как в детство попал...

– Геша, я боюсь!

– Наташка, не зли меня! Топай, все уже обговорено сто раз. – С таким напутствием я легким тычком отправляю тетку в сторону местного бомонда.

Настраиваясь на ожидание, присаживаюсь на чемодан и наконец-то вытягиваю многострадальные ноги. Аборигены изучающе поглядывают на меня, но основное внимание приковано к девушке, пересекающей улицу. Там есть на что посмотреть – замечательная фигурка обтянута яркой кофточкой и короткой юбкой, ножки ровные, идет как модель. И не скажешь, что только что ныла, как она устала.

С какого перепугу Наталья вдруг набилась мне в старшие родственницы, я и сам не понял. Просто после наших приключений она внезапно заявила, что никуда меня одного не пустит и что в Москву я смогу вернуться только в ее компании. Из ее невнятного лепета про причины такого решения (что-то про то, как ей надоело быть хорошей девочкой, про каких-

то Алексея и Милку, про тревожные звоночки в ее жизни), я вынес одно – женская логика реально есть (!), но мне ее не понять. Плюнул (про себя, конечно) и не стал дальше выносить себе мозг.

Но если отбросить взбрыки загадочной женской души, отчасти доводы Натальи показались мне вполне приемлемыми. Во-первых, она помогала мне оформить документы, и в случае моей поимки ей это как-нибудь отольется. Во-вторых, участие в спасении Шамана ей может неизвестно каким боком вылезти. В-третьих, ребенок в компании взрослой (это она так думает) женщины будет привлекать меньше внимания. Были еще причины, но уже этого хватило мне, чтоб всерьез обдумать ее предложение.

А подумать было над чем. Через три года Митька станет совершеннолетним, получит наследство и сможет взять меня к себе. Отказываться от семьи я не намерен. Но учитывая подготовку у нашего героического деда и настрой самого брата, велика вероятность, что учиться и работать дальше он пойдет куда-нибудь в разведку, наверняка даже именно к Милославскому под крылышко. Тем более что после моих номеров его всяко возьмут на заметку.

Опять же будет логично, что он потащит меня за собой – это будучи одаренным я был относительно свободен в выборе, а теперь меня и спрашивать не будут. Но я-то хочу летать! Карьера рыцаря плаща и кинжала абсолютно не по мне! И в итоге мы имеем, что мне надо как-то организовать свой род, чтобы Митька (а точнее, его начальство) формальной власти надо мной не имели. Конечно, род – не панацея, эти товарищи могут и начхать на него, но так отбиться будет проще. Происхождение у меня в порядке, вполне себе высокое, мама-папа в браке состояли, документы об этом имеются. Осталось только выполнить одно из условий: совершить подвиг, построить что-нибудь нужное государству или положить в госбанк на депозит один миллион рублей сроком на пятьдесят лет.

Фигня вопрос! Кто тут последний спасать принцессу?.. Как «нет записи»?! А драконов где выдают? Кончились еще в прошлом году?! Какая жалость!!!

А значит, пока пусть и по подложным документам, но надо начинать зарабатывать своим лям и готовиться к поступлению. И тут помощь взрослого человека окажется весьма кстати.

Вот так я и обзавелся теткой.

Получение паспорта оказывается плевым делом, если у вас есть знакомый влюбленный участковый. Пока Наталья крутила хвостом перед господином полицейским, я сбегал проведать Шамана. Тот уже пришел в себя, хотя вставать ему пока не разрешали. Что он там наврал про свои обстоятельства – я вникать не стал, просто представился товарищем по несчастью. С гордостью осмотрел деяния рук своих, мысленно похвалил себя и вместе с теткой покинул злосчастную Заливку навсегда.

В Каспийском Наталья добыла мне аттестат о среднем образовании. На это ушла основная часть наших трофеев. И хоть я совсем не горжусь своим мародерством, деньги, собранные мною в разгромленном лагере, очень нам пригодились. За весьма внушительную сумму реально существующий мальчик Иванов Гена, о котором так удачно вспомнила Наталья, согласился «потерять» свой аттестат. С теткой мальчика, почти полной своей тезкой – Ивановой Натальей Степановной, девушка познакомилась на почте, где перепутали их корреспонденцию. Пожилая женщина была так рада найти свободные уши, что выложила Наталье всю свою жизнь, включая перечисление хворей и наличие любимого племянника. Периодически встречаясь на улице не такого уж и большого городка, Наташа волей-неволей была в курсе всех событий в жизни одинокой вдовы. Вот уж никогда не узнаешь, где что

пригодится.

О, похоже, дело сладилось!

Около меня остановилась Наталья в компании сурового вида тетки.

– Это, что ли, племянш твой? – Вот всегда восхищаюсь женским талантом озвучивать очевидное.

Да нет, блин, это хобби у меня такое: по вторникам здесь на чемоданах сидеть!

– Гена, познакомься, это наша будущая квартирная хозяйка, Мария Ивановна. А это мой племянник, Геннадий, – представила нас друг другу Наташа.

Пришлось поднимать зад и вежливо раскланиваться.

– Ну пойдёмте, покажу комнаты, а то вдруг еще не понравится. – И тетка повела нас куда-то в глубь района.

Потерпите, ножки, еще немного, скоро придем.

Предлагаемое жильё оказалось отдельным пристроем к небольшому домику, в котором жила семья Марии Ивановны. Две крохотные комнатки, где раньше, видимо, жили родители, пропахли лекарствами и каким-то присущим лишь старости запахом, но зато имели отдельный выход во двор. Хозяйка по большей части молчала, за что я простил ей все недостатки сразу. Мне вполне хватило трескотни Наташки за прошедшее время. Все-таки трудно ужиться даже с самым хорошим человеком, если много лет до этого жил один. Уладив денежные вопросы и обговорив условия проживания, мы обессиленно упали на кровать.

– Чур, я занимаю эту комнату! Она больше! – начала оживать моя подруга.

– И что?

– Имею право! Я, между прочим, удачно сговорилась, даже дешевле, чем мы рассчитывали.

– Молодец! Возьми с полки пирожок!

Неугомонная Наташка начала меня щекотать и валять по кровати, вынудив к позорному бегству.

Черт побери, надо как-то решать половой вопрос!.. А то будет совсем неудобно. Молодая красивая девушка – и зловредный старикашка в теле четырнадцатилетнего юнца. Просто «Красавица и чудовище»...

Два вечера спустя

Ночь, улица, фонарь, аптека... Рывок! И нычка – у человека. Ничего, что не в ритм, зато рифма почти удалась!

Темный переулок. Нужный двор. Отсчитываю на ощупь кирпич. Мерзкая шавка из соседнего двора поднимает лай, ей начинают отвечать другие. Хватаю сверток с бумагами и несусь в конец улицы, пока на шум не начали выглядывать хозяева. Полдела сделано, осталось незамеченным покинуть этот район. Петляю как заяц, пока не выбираюсь на более-менее освещенные улицы. Здесь тоже надо держать ухо остро, но уже не так страшно, потому что ходят патрули и гуляют припозднившиеся парочки. Где-то во дворе даже слышно игру на гитаре с нестройным пением. Метро уже не работает, поэтому ножками, ножками... На удивление, без приключений добираюсь под утро домой и с чувством выполненного долга падаю в кровать.

Еще вечер спустя

Нужный мне человек идет домой с работы. Стараясь не привлекать лишнего внимания окружающих, догоняю его и пристраиваюсь рядом.

– Здравствуйте, Виктор Афанасьевич!

Лечащий врач моей матери сбивается с шага и останавливается посреди людского потока.

– Егор?! Тебя же ищут все, с ног сбились...

– Знаю, Виктор Афанасьевич. Давайте пойдём, а то мы мешаем всем.

Доктор растерянно кивает и начинает двигаться дальше неспешным шагом.

– А у нас засаду на тебя организовали. Правда, сняли недавно. Но всех строго-настрого предупредили, что, если появишься, – сразу сообщать. – Добрейшей души человек, доктор Шаврин, походя сдает мне с потрохами моих недругов. – Между прочим, из ПГБ; признавайся, что натворил? – Голос у Шаврина вроде бы шуточный, а вот глаза смотрят внимательно и цепко.

– Виктор Афанасьевич! Поверьте, я ничего не натворил! – В двух словах описываю ему свои обстоятельства с о-о-очень большими купюрами. – Так что прохожу я как свидетель, да и то, от моих показаний там мало что зависит.

Шаврин идет какое-то время молча, обдумывая мои слова.

– А церковь к тебе какие вопросы имеет?

– ?..

Я реально в ступоре. Вопрос даже не на миллион рублей.

А Бастилию тоже я развалил?.. С хрена ли баня упала?..

Мужчина осматривает меня пронзительным взглядом и поясняет:

– Про события в вашем училище я немного наслышан. Дмитрий в мае несколько раз заходил, кое-что рассказал, так что я тебе верю. А насчет церкви... Крутились у нас кроме людей Милославского еще кое-какие личности. И что характерно – безопасники их как бы не замечали... А я вот, чисто случайно, одного из них знал до пострига. До его пострига, – зачем-то уточняет доктор.

– И зачем они крутились?

– Да все за тем же. Искали тебя.

– ?..

Просто какое-то шоу «Найди меня» имени меня...

– А вообще, Егор, ты поступил глупо. Я тебя не осуждаю: и сам бы, наверное, испугался. Только есть ведь люди, которым ты и твоя судьба безразличны. Мог бы прийти ко мне, я бы что-нибудь посоветовал. К наставнику бы обратился, ты же знаешь, цеховая солидарность – не пустой звук. Михаил Игнатьевич опять же переживает до сих пор.

Интересно: то есть наша «мадам Помфри» не при делах, что ли, оказалась?

– Простите. Я, Виктор Афанасьевич, в тот момент ни в ком уверен не был. Слишком ситуация странная была... Как мама? – неловко пытаюсь перевести тему.

Шаврин понимающе кивает:

– Все так же, Егор, без изменений. На днях приходил запрос насчет перевода в Петербург, но мы с заведованием не подписали. Пока надежда есть – считаю, не надо ничего трогать. Как бы, наоборот, хуже не сделать.

– А зачем ее в Петербург хотят перевести? – опять недоумеваю я.

Мужик, ты сегодня меня решил окончательно загрузить?

– Так ведь Дмитрия в Царскосельский лицей перевели. Даже год доучиться не дали.

Вероятно, где-то там, – палец доктора многозначительно показывает наверх, – после всех ваших несчастий его решили убрать подальше.

Опаньки, вот это финт ушами! А я ведь ходил к училищу, пытался Митьку хоть издали высмотреть, а тут вон оно как... Хорошо, что доктора выловил, а то бы и спалился невзначай.

Углубившись в свои мысли, упускаю нить разговора и выныриваю только на вопросе:

– ...Так ты согласишься на обследование у нас в госпитале?

– Простите, Виктор Афанасьевич, задумался. Какое обследование?

Шаврин снова терпеливо начинает объяснять:

– Ты, вероятно, не знаешь – эта информация не особо афишируется, – но почти все одаренные, потерявшие свой источник, очень быстро теряют интерес к жизни, многие сходят с ума или кончают самоубийством... – Мужчина осуждающе покачал головой. – Причем этот процесс происходит в считанные недели. И чем моложе одаренный, тем быстрее все происходит. То, что ты стоишь передо мной здесь абсолютно спокойный, спустя почти три месяца – это феномен! Это явление необходимо исследовать!

Просто ты, дядя, не знаешь, что я это все уже пережил. И потерю интереса, и боль, и все прочее... Только в другом мире...

Шаврин продолжал что-то бубнить, а я начал перебирать плюсы и минусы обследования в госпитале.

Стоп!

Я что, всерьез это обдумываю? Сделать из себя подопытного? Потерять мобильность?

Выкуси!!!

Как я буду объяснять тебе и твоим мозголомам, что получил гораздо больше, чем потерял?

С чего я вообще об этом думаю?

Резко останавливаюсь, встряхивая головой, и замечаю, как на кончиках пальцев дражайшего Виктора Афанасьевича формируется какая-то техника.

Вот же сука! Как теперь вообще кому-то верить?

Главное, не дать себя коснуться!

Резко бросаюсь в обратную сторону, но люди, идущие за нами, задерживают мой рывок. Выпрыгиваю на проезжую часть. Визг тормозов, мат водителей, крики прохожих. Хорошо, что успел слегка подтянуть свою физику за последние месяцы. Наперерез мне выскакивает полицейский, удачно обхожу его справа. Сзади слышится топот уже нескольких человек. Мчащийся мимо мотоциклист внезапно сбрасывает газ и оказывается прямо передо мной. Пытаюсь его обойти, но неизвестный вместо рывка приглашающе хлопает по заднему сиденью.

Была не была!

Мчимся по дороге, оставляя преследователей все дальше и дальше.

Поднимаю вверх руку с оттопыренным пальцем (догадайтесь каким).

«Йо-ххо-о-о!» – Всегда хотел это крикнуть, но повода как-то не находилось...

Интерлюдия седьмая

Узнав, чей внук пропал, глава ПГБ решил допросить его брата лично.

Допрос подростка продолжался уже второй час. Юноша уверенно называл пароли, явки, тайные квартиры, телефоны... в общем, все, что являлось государственной тайной с грифом «Перед прочтением сжечь». Описывал свои предполагаемые действия в обстоятельствах, постигших брата. Секретарь, поначалу присутствовавший на допросе, давно был изгнан вон.

Вопросы к мальчику все меньше касались нынешнего дела и все больше уводили в прошлые дни.

– А поведай-ка мне, отрок, за что не любил Елизар Андреевич князя Львова-Шуйского? – От идиотизма ситуации Милославского пробило на архаичный слог.

Подросток, до сих пор глядевший на Тихона Сергеевича влюбленными глазами – еще бы, кумир детства! – неожиданно потупил взор и покраснел.

– Так он этот... ну... мужеложец он! – нашел в себе силы ответить смущенный Митька.

– О как...

– А доказать, молодой человек, можете? – вмешался в беседу присутствующий здесь же безымянный сотрудник ПГБ.

Дмитрий, не испытывая никакого трепета в обществе двух государевых людей, вопросительно уставился на Тихона Сергеевича. Тот, подумав, кивнул подчиненному на выход.

– У государя в Зимнем, в библиотеке, есть тайник, устроенный дедом; там письма, фотографии...

– Где?!

– Слева от крайнего подоконника есть фальшивая панель, за ней каменная кладка, надо нажать вот так, – Дмитрий изобразил руками как, – тайник откроется.

Милославский совсем не по-благородному обхватил голову руками и взвыл.

Когда-то давно, еще в прошлом веке, на заре своей карьеры, он в компании товарища по службе стоял навтыжку перед всемогущим человеком и так же восторженно ел его глазами. А Елизар Андреевич Васильев-Морозов, глава Имперской Тайной канцелярии, постельничий Его Императорского Величества, его воспитатель и фаворит, одной фразой на ушко государю ломавший жизни или, наоборот, приближавший к царю, принимал решение по их дальнейшей судьбе. Много воды утекло с тех пор. Расформирована уже давно Имперская Тайная канцелярия, разделившись на Приказ государственной безопасности и личную службу безопасности императорской фамилии. Нет больше самогó постельничего – умер в ссылке под Рязанью, а вот поди ж ты, отправил ему посылочку...

Первым же указом, сразу после своей коронации, новый государь Константин II, потерявший от бомбы террориста-смертника жену и отца, отправил в отставку Васильева-Морозова. Сам сломленный после случившегося, разом постаревший и потерявший харизму, Елизар Андреевич спешно передал дела Милославскому и Лопухину-Задунайскому – бывшему товарищу Тихона, и отправился в родной городок доживать век. За ним приглядывали, но без огонька. Жил старик одиноко, визитов не приветствовал, а единственный сын, прижитый в позднем возрасте, к отцу был равнодушен. Так что наблюдение велось к концу жизни постельничего спустя рукава. А тут – такой подарочек.

Личный архив бывшего императорского фаворита искали и сам Милославский и его теперь уже соперник – глава личной ЕИВ СБ Лопухин-Задунайский. Искали то вместе, то порознь. Сначала искали в столице, где Васильев-Морозов жил и работал, так как было известно, что, отправляясь в опалу, с собой он ничего не взял. После смерти старика его дом разве что по кирпичику не разобрали. Перетрясли банковские ячейки, несмотря на

сопротивление владельцев банка. Невестку многократно опросили. Тщетно. Кто ж мог предположить, что свои тайны опальный старикашка вложит в головы двух сопливых пацанов в виде сказок на ночь. Небось еще и какими-нибудь техниками закрепил, чтоб лучше помнили!

– Тихон Сергеевич, вам плохо? Может, позвать кого? – Участливый голос мальчика прервал воспоминания.

Взяв себя в руки, Милославский ответил:

– Нормально все, Дима. С тобой пока все, но позже я обязательно найду время подробно поговорить.

Распахнув дверь, Тихон Сергеевич распорядился:

– Мальчика поселить в отдельный блок рядом с двумя обалдуями. Глаз с них не спускать! Охранять круглосуточно!

При мысли о том, что где-то за воротами училища гуляет копия этой информационной бомбы, Милославскому захотелось матерно высказаться, чего он не позволял себе с молодости. А подошедшему подчиненному послышались странные слова шефа:

– Спишь, Тихоня?.. Мышьей не ловишь...

Показалось, наверное...

Интерлюдия восьмая

Капитан ПГБ Константин Анатольевич Шацкий устало потер покрасневшие от усталости глаза. Уже третий месяц он в составе следственной группы, спешно собранной из специалистов со всех концов империи, изучал вещдоки, проводил допросы, собирал доказательства. Конца-края неожиданной командировке видно не было. Верхушку заговорщиков в Баку, Петербурге, Москве и Тифлисе уже давно схватили, и теперь они сидели в уютных камерах и подвалах, спеша наперегонки взвалить основную вину на подельников. Баку и вообще весь Кавказ наводнили толпы военных, обеспечивающих порядок на местах, так что опасаться мятежа уже не следовало. А следственная бригада продолжала забрасывать частую сеть, отлавливая рыбешек помельче.

Это ж надо: попытаться убить государя вместе с семьей и под шумок оттяпать южные районы империи! Если бы Приказ Милославского вовремя не остановил начавшую набирать обороты машину заговора, на юге так полыхнуло бы – мама не горюй! А лишившись государя и наследника, ПГБ, кланы и армия наверняка не сразу бы смогли пресечь отделение территорий. Возможно, и против других важных людей государства теракты готовились, чтобы некому было сразу власть в руки взять. По слухам, еще и двойника для кого-то из царской семьи готовили, чтобы побольше неразберихи случилось. Впрочем, эта информация если и правдива, то ниточки, ведущие к ней, находятся в Петербурге и Москве, а здесь и сейчас Константин Анатольевич расследовал действия клана Алиевых. Клана... Тьфу! Не будет больше такого клана! И еще парочки таких же.

Фотография мальчика анфас и в профиль привлекла внимание следователя. Что-то такое крутилось в голове...

– Костя, пошли пить кофе! В столовую свежие булочки привезли! – В дверях показалась растрепанная голова товарища по несчастью – капитана Вакулина. – И официантки

сменились, теперь Зоенька на смене!

– Виктор, ты же знаешь – я женат! Не сватай мне уже своих официанток!

– Ну и правильно: пусть Зайка улыбается только мне! Но от кофе-то с булочками ты ж не откажешься?

– Да я и от чего посущественней не откажусь! – С этими словами Шацкий положил бумаги в сейф, подхватил со спинки стула мундир и отправился вслед за сослуживцем.

Странно складывается жизнь: в Саратове, где работали они с Вакулиным, капитаны только встречались изредка в коридорах управления да вежливо раскланивались. А здесь, в командировке, почти сдружились. Легкий нрав Вакулина хорошо дополнял флегматичность Шацкого. А необходимые подколки только вносили разрядку в тяжелые рабочие будни. Все-таки третий месяц почти без роздыху пашут.

В столовой почти никого не было, но за отдельным столом восседал начальник следственной бригады полковник Буревой-Юсупов. Указав на места рядом с собой, тот сразу распорядился:

– Без чинов! Ну что, капитаны: как продвигаются дела?

Властные нотки в голосе вопрошавшего так и побуждали вскочить, вытянуться и начать докладывать, но полученный приказ и усталость заставили сидеть на месте.

– Осталось еще примерно на неделю, Александр Григорьевич, если нового ничего не подкинете, – первым ответил Шацкий.

– У меня тоже где-то так, – добавил Вакулин.

– Это хорошо, остальные примерно так же говорят, а то из столицы постоянно теребят, требуют результатов. Над чем сейчас работаете?

Обстановка в столовой и вилка с ножом в руках не соответствовали моменту, но пришлось отвечать:

– Эпизод на железной дороге. Это когда Алиевы поезда досматривали. Представляете, в открытую, прямо на казенной земле лагерь разбили и нагло документы спрашивали. Просто Соловьи-разбойники какие-то.

– Диверсия на нефтепроводе. Это когда полыхало три дня на волковском НПЗ, – отчитался Вакулин.

– Кстати, о Волковых, – решил добавить Шацкий. – Они у меня тут отличились, как раз мой лагерь разгромили, там еще несколько гражданских пострадало. И полиция местная явно из их рук ест.

– Волковых не трогать, – припечатал полковник. – Приказ сверху. Они у государя сейчас в почете, так что сами понимаете...

Капитанам оставалось только кивнуть.

– Но материалчик соберите: и на действия их, и на полицейских, мало ли. А то нашли тут, понимаешь ли, спасители Отечества... – Полковник скривился, явно показывая свое отношение к клану вечных соперников Юсуповых за царские милости. – Ладно, отдыхайте, все равно опять до ночи тут сидеть. В десять, как обычно, совещание, начнем потихоньку итоги подводить.

Полковник поднялся из-за стола, оставляя подчиненных доедать то ли поздний обед, то ли ранний ужин.

Вернувшись в кабинет, Шацкий вернул на стол бумаги из сейфа, но мысль, вертевшаяся раньше, уже ушла. Решительно сложив бумаги и фотографии обратно в папку, капитан засел писать заключение по эпизоду. Внизу, в архиве, его ждало еще очень много коробок с

материалами, которые предстояло изучить за эту неделю. Баку стоял уже поперек горла, хотелось домой, к жене и детям.

Сижу на завалинке, курю и пью пиво прямо из бутылки. Никогда не курил ни в той, ни в этой жизни и пиво не особо любил, но на душе так гадко... Не подумайте ничего такого, все у меня в порядке. Я прям как Колобок: и от бабушки ушел, и от дедушки ушел...

То, что мотоциклист, – девушка, я понял почти сразу, все-таки трудно не ощутить под руками приятные округлости. Но когда наш железный конь задворками выехал сначала за пределы города, а потом вообще на какую-то проселочную дорогу и остановился в лесу на тихой полянке, я порядком струхнул, пожалев, что не спрыгнул где-нибудь раньше. То, что произошло дальше, повергло меня в шок. Девушка столкнула меня с мотоцикла и стала приближаться ко мне, попутно снимая и отбрасывая экипировку. Немного некрасивое лицо (да ладно, страшная она была, страшная!) компенсировалось аппетитной фигуркой. Не дождавшись от меня никакой реакции, она присосалась к моим губам и стала стягивать одежду уже с меня.

Сопротивляться в моем положении было глупо. Подозревать пэгэбэшников в такой подставе было еще глупее. Что они, сидят с камерами по кругу и снимают это Страшное Секретное Видео? Меня со спущенными штанами? Тоже мне, государственный секрет. Пришлось отдаться на волю обстоятельств. Приятных.

Закончив с «делами», мы наконец познакомились. Леночка оказалась представительницей той самой золотой молодежи, которая всегда и везде резвится, чувствуя полную безнаказанность. Пока папа – крупный чиновник в местной администрации тяжким трудом пробивал своему роду богатство и положение, оставленная без присмотра дочь связалась с компанией таких же богатеньких бездельников. Днем девица прилежно училась в институте – иначе папочка обрежет финансирование, а по вечерам тусила на полную катушку. «Секс, наркотики и рок-н-ролл»... с поправкой на местную специфику. В последнее время особым шиком в их среде стало задирать полицейских. Подъедут на своих мотоциклах, покрутятся рядом, покажут неприличные жесты или как-то еще заденут – да и врассыпную. Был бы интернет – они бы, наверное, еще ролики на Рутубе выкладывали: хвастались, кто круче. Даже если кого-то и задерживали – обычно ненадолго: отпускали со штрафом или вообще просто так. Детки-то все непростые.

План по развлечениям на сегодня уже был выполнен, и Леночка ехала домой, а тут такой красивый я бегу от полицейского: как тут удержаться! На адреналине от погони девку пробило на секс, хотя по мне, трахать малолетку вроде меня (а по-другому назвать этот процесс язык не поворачивается) – удовольствие сомнительное. Видимо, и девушка что-то такое поняла, потому что свернула разговор и стала быстро одеваться. Я, естественно, тоже начал собираться, а то комары одолевать стали, время-то к вечеру.

– О, величайшая из спасительниц! Может ли рассчитывать ваш ничтожнейший раб на еще одну поездку за вашей прекраснейшей спиной? Лен, до метро подкинь хотя бы... – уже нормальным голосом попросил я. А что, с нее станется, бросит еще тут.

Лена фыркнула, но согласилась:

– Ладно, жертва полицейского произвола. Что хоть натворил-то, за что ловили?

Нет, я просто охреневаю от женской логики: вначале спасти от полиции, затем, извините, оттрахать и только теперь спросить, что я натворил! А может, я маньяк Чикатило и за мной годами охотились, а она спецоперацию сорвала! А может, я ее сейчас ножом пырну и

умчусь на ее байке в закат!.. Совсем безбашенная.

– Да так... стекло в витрине разбил... случайно.

Окончательно убедившись, что я не прекрасный разбойник Робин Гуд, девушка еще больше нахмурилась и завела мотоцикл.

– Садись, гроза витрин, только не лапай, я этого не люблю.

И мы помчались обратно в город. На первой же остановке транспорта Лена ссадила меня, сунула в карман десятку и уехала со словами:

– Дальше сам!

И вот, добравшись до дома, я купил на эту злосчастную десятку сигарет и пива, благо здесь нет никаких возрастных ограничений. Теперь сижу и пью. И рефлексую.

Так это что, меня поимели, получается? Так сказать, поматросили и бросили? Я теперь брошенка, что ли?!

Осознав всю нелепость своих переживаний, громко расхохотался.

У меня что, других проблем нет, чтоб еще этим заморачиваться? Ах, я потерял девственность! О боже! Моя невеста София-Мария-Джульетта-Клементина не перенесет этого позора! Тьфу!!! Чем такой вариант хуже моего из прошлой жизни: пьяным, на дискотеке, в какой-то подсобке?

Решительно тушу бычок (все равно так и не удалось ни разу нормально затянуться), выкидываю сигареты и недопитое пиво и иду спать; утро вечера мудренее.

Утро встречает больной головой и злой Наташкой.

– Гешка, ты что творишь, поганец! Я из-за тебя перед хозяйкой все утро оправдываюсь!.. – сердитой кошкой шипит тетка. – Так, сегодня – никаких твоих дел! Берешь лопату и идешь копать хозяйке новую яму под компост! Не хватало еще, чтоб из-за твоих выкрутасов нас съехать попросили. Я тут узнавала, так вот мы сказочно дешево заселились. Просто Мария Ивановна не хотела к себе всякую шваль пускать, вот и искала постояльцев попримечнее!

Мысль о завтраке вызывает отвращение, все-таки это тело слишком мало для алкоголя. Мысль о работе вызывает еще большее отвращение, но надо.

Лопату и рукавицы из сарая мне выдает хмурая домовладелица, я бы даже сказал – домомучительница, она же показывает фронт работ. Как обычно: от забора и до обеда.

– Я – на собеседование, завтрак тебе оставила! – кричит от калитки Наташка.

– Ни пуха! – нахожу в себе силы ответить.

– К черту! – оскорбительно веселая подруга исчезает на улице.

Копая.

Неясный отсвет привлекает мое внимание. Вынимаю из грунта пыльный камушек, отряхиваю, пытаюсь понять, что в нем такого. Комочек сухой грязи крошится в руках, и на ладони в конце концов остается твердый предмет размером с перчинку. Катаю его между пальцами, чувствуя странное удовольствие. Головная боль сразу уходит, хочется мурлыкать. Ох, вот это кайф!

В детстве я периодически находил кусочки метеоритного железа, но таких ощущений не ловил ни разу. Впрочем, метеоритным железом это вещество называют только в простонародье. По-научному это алексиум – единственный материал, способный удерживать магическую энергию.

Углубимся в здешнюю историю: «...и в год 1715 от Р.Х. разверзлись небеса... и упало

небо на землю и смешало в прах все живое и неживое... и остались лишь праведники да истинно духом раскаявшиеся... и постигла кара небесная царя-дьявола Петра-отступника и присных его... и взошел на престол истинный царь Алексей, прозванный Праведником... и повелел царь-праведник собрать камни божьи, что поразили нечестивых, да хранить в казне государевой... и сошла благодать на Русь-матушку...» Вот как-то так, за дословность не ручаюсь. Учебник давно не открывал.

А если вкратце, то все было так: Челябинский метеорит помните? А тут Земля вошла в поток таких метеоритов. Бомбардировка прошла от Японии до Атлантики, немного задев Центральную Америку. Творилось что-то жуткое. Вероятно, Содом и Гоморра, извержение Помпеи и другие известные катаклизмы показались слабенькой разминкой на фоне наступившего Армагеддона. К чести царевича Алексея (казненного в нашей истории за предательство отца), он сам или кто-то из его окружения быстро навели порядок в стране. И то сказать: Петровских-то реформ успели хлебнуть полной ложкой. А метеоритное железо свезли со всех концов страны в Петербург: сначала прямо во дворец, а потом под это дело выделили отдельное здание. Мне почему-то представляется, как царевич, точнее – уже царь Алексей заходил в зал, набитый метеоритами и мурлыкал, как Голлум: «Моя прелесть!»

Зафиксировано, что в нынешней казне находится около тысячи крупных камней и множество мелких общим весом примерно в тысячу тонн. Камни помельче наверняка еще и прикарманивали местные дворяне, часть прихватила церковь. К слову сказать, та, самая первая казна, была утеряна во время нашествия Наполеона в тысяча восемьсот двенадцатом году. Что ж ему совсем не родиться-то было!.. Метеориты вывозили и прятали доверенные люди царя, да так никто и не вернулся. В нашей истории ищут обоз Наполеона, а здесь – обоз Ковычева.

Милая сердцу Алексея II старая добрая Москва с ее колокольным звоном и Кремлевскими палатами была сильно разрушена, и столицей так и остался строящийся вовсю Петербург, на который не упал ни один метеорит. Разумеется, и в этом увидели руку Господа. Город переименовывать не стали, но больше Петрами никого в семье Романовых не называли, кроме уже родившегося у Алексея II сына, так же, как в нашей истории, умершего молодым от оспы.

[Купить полную версию книги](#)